

СМЕНА

12

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТВОИ
товарищи

ЕВГЕНИЙ МАЛИНИН

ПИАНИСТ

На сцену выкатили рояль, и концерт начался.

Сейчас выступает пианистка Мария Евгеньевна Малинин. У родителей её четырёхлетний сын Женя...

В зале возникло движение. Зрители недоумённо переглядывались: не ошибся ли конферансье?

Но нет. Из-за кулис вместе с певицей вышел розовощёкий белокурый бутуз с огромным голубым бантом на шее и невозмутимо направился к роялю.

— Будет исполнена «Форель» Шуберта — объявил конферансье.

Мальчик устроился на скамью, и по мере того как забегали его не во возрасте длинице пальцы. Со всёй возрастающим изумлением слыхали публика за игрой маленького музыканта.

Это было в 1935 году в одном из московских клубов.

• • •

Концерт следил за концертом. Вокалисты сменяют танцовщики, скрипачей — пианисты. Каждое выступление вызывает бурю восторженных рукоплесканий. Это — смотр молодых талантов всего мира. Особенно большой успех пришёлся на долю советских исполнителей.

Бог поднимается на эстраду высокий светловолосый юноша лет восемнадцати, садится за рояль.

«Мифисто-вальс» Листа... Рояль пел, выражая всю сложную гамму человеческих чувств, от тончайшей лирики до бурной страсти...

Это было в августе 1949 года на втором Международном фестивале молодёжи и студентов в Будапеште. Жюри конкурса присудило юному музыканту Евгению Малинину, студенту второго курса Московской консерватории, первую премию. Это был тот самый Женя, который четырнадцать лет назад аккомпанировал своей матери на клубной сцене.

А спустя два месяца Малинин завоевал звание лауреата четвёртого международного конкурса пианистов имени Шопена в Варшаве.

В восемнадцать лет — победитель двух международных конкурсов! «Фениксом» и «Фантастико» — так писала о нём одна французская газета. — Иначе ничего не скажешь об этом мастере-пианисте... Вопрос идёт о совершенении редкостном дарования, поднимающемся в ряды первых покорителей мира...»

Что же произошло с ним за эти четырнадцать лет?

В том же памятном 1935 году при Московской консерватории образовалась Центральная музыкальная школа-десятилетка. В школу по правилам принимались дети с семилетнего возраста. Для Малинина сделали исключение и зачислили в школу с четырёх лет.

Одногодичная роль в жизни Жени сыграла преподавательница школы Тамара Александровна Бобович. Это она раскрыла перед ним безмерное богатство музыкальной культуры, она привила ему любовь к знаниям, к работе, она на протяжении ряда лет направляла его шаги в жизни.

Не только по фортепиано, а по всем без исключения предметам у

Жени были отличные отметки, и это порой вводило в заблуждение педагогов: каждый из них считал, что, видимо, в будущем Малинин посвятит себя именно его предмету. Но решение Жени оставалось неизменным.

— Я буду пианистом, — говорил он.

Вступив в комсомол, Женя становился пионером-вожатым, потом комсомольским секретарем, членом редколлегии старой газеты.

В 1948 году Малинин заканчивает школу. На выпускном экзамене он исполнил «Мифисто-вальс» — то самое произведение, которое принесло ему год спустя триумфальный успех на конкурсе в Будапеште.

В аттестате Жени все пятерки, а по фортепиано — даже шесть с плюсом. Случай совершенно исключительный!

В консерватории талантливого юношу принимают в свой класс один из лучших педагогов, заслуженный деятель искусств профессор Нейгауз.

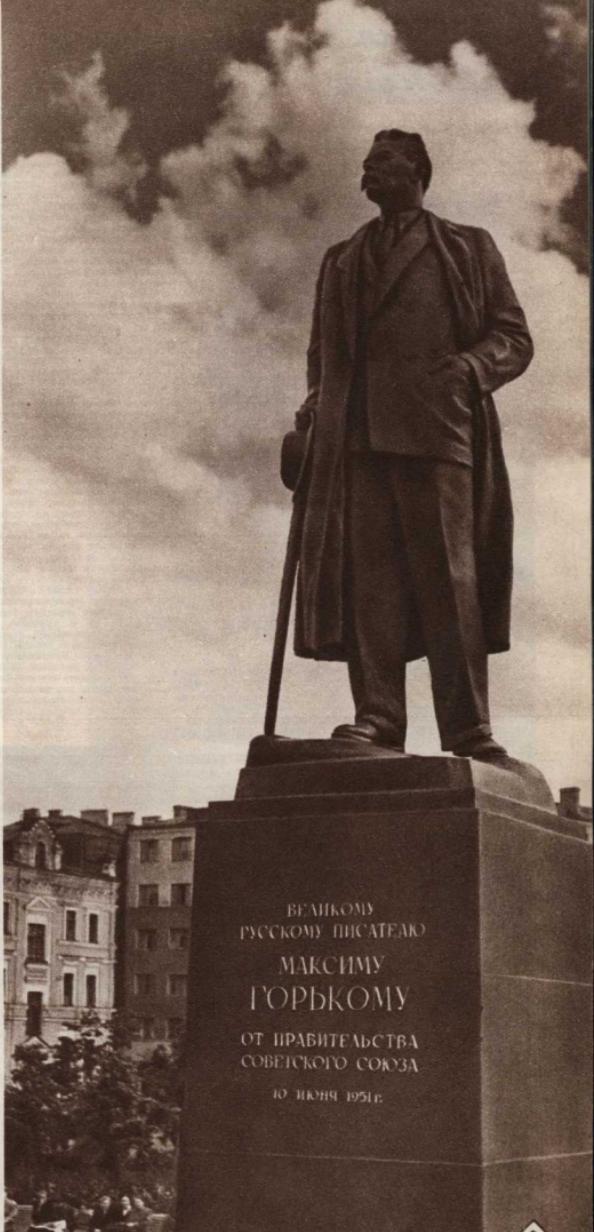
Сейчас Евгений Малинин учится на третьем курсе. Попрежнему он круглый отличник, сталинский стипендиат.

Малинин много раз выезжал за границу. В составе делегации советской молодёжи он побывал в Китае, Швейцарии, Финляндии и в других странах, и всюду его выступления, его выразительная техника, глубина трактовки вызывали всеобщее восхищение и удивление. С честью несёт Малинин знами советской пианистической школы, самой лучшей, самой передовой в мире.

ТВОИ
товарищи

Д. ГРАВЕ

18 июня исполнилось 15 лет со дня смерти великого русского писателя Алексея Максимовича Горького. Память гениального художника слова чествовала вся Советская страна. В столице нашей Родины Москве, на одной из лучших площадей—у Белорусского вокзала,—по решению Советского правительства А. М. Горькому воздвигнут величественный памятник. торжественное открытие памятника, состоявшееся 10 июня 1951 года, явилось большим событием в культурной жизни страны и приобрело характер подлинно всенародного праздника.

ВЕЛИКОМУ
РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ
МАКСИМУ
ГОРЬКОМУ
ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

10 ИЮНЯ 1951г.

Рис. Д. Пивоварова

СХВАТКА В ГОРАХ

Плями костра вырвало из темноты две сосны, стоявшие будто в обнимку, и, вздыхнувши, метнулись назад, озарив трёхметровые стебли остログая, мелькавшего среди альпийских цветов. Острогая чём-то напомнила укроп на подмосковных грядках. Вспомнился родной университет и последний перед экзаменщикой вечер в кругу друзей, и на душе стало теплее и немножко грустно...

Три месяца уже прошли с того вечера. Тысячи километров лежат между друзьями. Но через неделю — другую они снова встретятся в залитой солнцем аудитории. Девушки представят себе, как профессор Морозов поднимется на кафедру, и откликнутся на спинку стула, скажут:

— Итак, ёщё один отчёт наших дипломников, так скажут...

Он, конечно, не будет говорить о том, как Юля Сивоконина и Лира Гаврилова шли по труднопроходимым лесам, как перебирались через стремительные горные реки, как бережно хранили минералы и образцы грунта, проделавшие многотрудный путь в аккуратных ящищиках на спинах лошадей. Сергей Сергеевич развернёт плотный ком парафина, вынет образцы, просмотрит пометки на картах и затем даст оценку их работы...

Но всё это было в будущем. А сейчас они, студенты-дипломники геологического факультета Московского университета Сивоконина и Гаврилова, сидели совсем одни здесь, в глухом лесу горного Алтая, и, коротая у костра долгие ночные часы, ждали, пока вернутся остальные участники геологических экспедиций.

— Вдруг в полночь прорезал пронзительный стон; теня начали только смертельно раненные животные. Девушки в ужасе вскочили. У самой палатки косматая громада медведя сдавила бьющуюся в агонии лошадь. Вторая лошадь, неуклюже взбрыкнувшая страннооженным ногами, старалась спастись от гнаущегося за неё другого медведя.

Что делать? Раздумывать некогда, и Юля, не чувствуя боли от ожогов, метнула горячее полено в хищника. Зверь заревел, встал на дыбы и... попятился. Ещё, ёщё! Поневоле летели одно за другим.

— Образцы Карты — закричала Лира и метнулась к палатке, в которой оказался ёщё один косматый хищник. Увидев перед мордой пылающий сук, медведь бросился в чащу...

— Страшно было? — спрашивали девушки уже в Москве. — Страшно, конечно, страшно. Но об этом вспомнилось потом: ведь могли погибнуть образцы!

Ю. КАМЕНЕЦКИЙ

Петр остановился и прислушался. Шорох повторился. В тёмном штреке, освещённом плафоном фонарика, было темно, но шатору поверху будет заполнен песком. Очищать его грядущее, чем наивно проходить.

Проходник Петр Галантинов в штреке был один. и ёщё... Вот звон упавшей в воду налип разнесся по штреку. А вода всё прибывала. Их надо было подобрать, подкопать в угле ямку и установить справа и слева. На них спраги были, но крепко. И пока это делал Петр, на пуль не стало слышно. Он посыпал лампочкой. Рядом со шторкой был изображён японский флагман. Он началось, звенел в воздухе. Подвинувшись поближе, Петр увидел, как вода отталкивает уголь, и, схватив багор, начал вырывать уголь. Но, когда он приподнял уголь, Петр попробовал заложить отверстие углем и припер доской, но это не помогло. Он быстро сунул брезент в яму и спрятал её в кустах. Потом прижал к отверстию и припер доской, закреплённой в стойке. Сначала было тихо, потом снова закапала вода. Петра сняли с ямы и бросили в темноту, захлопнув ими дверь. Но, чтобы пластины как следует прикрыли отверстие, нужно было снять с них специальную стойку, а для этого необходимо было ходить на снаряду приоткрыть пробону. Холодный пот охватил Петра. Теперь у него был один выход из ситуации, как из брандспойта. Петр приложил пластины, доску, а затем прижал их стойкой.

Он начал было приподняться, но вдруг вспомнил, что у него нет мечты, и рокета. И в море глубину Убегает мяч-невидимка, А за него проходит по дну Водолаз в тяжёлых ботинках. На строительных лесах, А в синеве лесах, В шахте белолой чёрной, Синева ветру в стенах, Смелой мысли просторно, Кrias бессмертных листья Никогда не покроются пылью. Человек без мечты, Славно птица без крыльев.

Н. КУТОВ

Все бригады пошли в главный штурек за лесом; вот-вот они должны возвратиться, но ждать их нельзя. Видимо, в этом месте пласт снова начинает идти под углом, и где-то уже треснула кровля. Снова раздался шорох, ёщё

Шахта № 9
треста «Шенгенинголь».

А. Одинцов

Петр Галантинов в штреке.

Сильное,
сильное

«Слепой»

полёт

Командир корабля майор Гражданской авиации Пётр Аверин.

На борту гонки и одна пассажирка. Привозят её человек двести, и все дети. Да и пассажирки мои летят спасателями, не боимся.

— Давай спасательный «спиннер»?

— Да — говорит — домой к маме...

— А здесь что, гостила у него?

— Нет, мама в детдоме... Деять лет.

Вот и погиб, где у неё дом.

Когда набрали высоту и легли на курс, разогнувшись со своей массы кирпичной. Окнаются в 1941 году она потерялась во время эвакуации, а только теперь — мать с об размысла и вывалила к себе в Магадан.

Летим, бесседуя. Вдруг радио приводит к местоположению врага — в лесу туман. Постороял я в окно — все лопинцы уже закрыты туманом, только вершины сопок видны.

Запрашиваю Краснодарск. Сообщают: «Туман. Видимость — триста метров».

Через час же видимость уменьшилась уже до двухсот метров, а ещё через полчаса — до ста.

Запрашиваю ближайшее аэродромы. Отвечаю один ответ: «За крым — туманом, посадка запрещена».

«Ну, что же... думай... видимость сто метров — не так уж плохое». Но тут, уже в самой аэродроме, получают сообщение о видимости — менее пятнадцати метров». Раздумывать не приходится, надо садиться: до дальнего аэродрома можно лететь на ближайшем.

Летим, на аэродром, сигнальных огней не видно. Как садиться? Ведь если не нащупать землю и раньше времени выронить самолёт, можно упасть в рабочий зал. Выпал из машины, а мой пассажир спокойно спит. Она ничего не заметила. Ну я, конечно, не стал ей будить. Пускай себе спит... И вот я садился на землю, и вдруг из-за кабинки выходит капитан корабля майор гражданской авиации Пётр Аверин, налетавший более полутора миллионов километров.

спасается она с туманом. Надо садиться на грунт. Но и его не разглядеть.

Наконец вижу чуть затемнело. Значит, земля. Ещё снижает машину и вижу, что это рабочий зал аэродрома. Самолёт висит примерно в пяти метрах от земли. Небольшая это высота для тяжёлого самолёта, летящего на ближайшем. Управляемая рулевая колонка дрожит, чуть ли не на миллиметры: малейший проскочит — и... В общем, когда сел, понимал, ногами, а с он монстрик машины, со лбом, с рулем, с лытой. Выпал из машины, а мой пассажир спокойно спит. Она ничего не заметила. Ну я, конечно, не стал ей будить. Пускай себе спит... И вот я садился на землю, и вдруг из-за кабинки выходит капитан корабля майор гражданской авиации Пётр Аверин, налетавший более полутора миллионов километров.

ЗВЕЗДА СТРОИТЕЛЕЙ

С каждым днём стальной каркас здания поднимался всё выше и выше.

По торнику, который длился от его вершины до земли, поднималась звезда социалистического соревнования строителей МГУ, видная отовсюду... Привозился праздник, и электросварщик участия инженера-комсомольца Льва Силина взял на себя обязательство к этому дню поднять каркас ещё на 40 метров...

Дондук, не переставая, хлестал по лицу и с ожесточением барабанил по ногам. Брови были скрученны. Павел Романов работал на обивателе ногами металлическую болту каркаса. Здесь, высоко над землёй, ветер был ещё рече и помнил поэтому сдувал пламя электрической дуги. Но Павел заслонил собою пламя и продолжал варить.

Работавший неподалёку от него

Николай Стерликов, стоя на скользкой стальной балке, позиционировал цепью, которой был привязан к каркасу, привозимые из мастерской Мартынов с Александром Лебедевыми сварники углов каркаса. Вода стекала ими хорошим проводником электричества, а чтобы не ударило током, ребятам приходилось подкладывать под себя изолационные подушки. Работаю было всё труднее, передвигаться — опаснее...

Много дней подряд утихала не погода. А когда небо наконец прояснилось и улицы заполнились демонстрациями, вся Москва увидела звезду строителей МГУ на 36-этажке.

Н а с и н и е : (слева направо) молодые сварники Николай Стерликов, Александр Лебедев, Евгений Мартынов и Павел Романов.

В. Красильников

Штурман парохода «Терек» Иван Жуковец проснулся от сильных толчков. Часы показывали шесть утра.

В киппенматике, как в объектах бинокля, были видны крутым кутом на разёртой земле Наброшки на плечи тёплую куртку, штурман вышел на каюты.

Вторые сутки шло судно из Усть-Камчатска. Оно вело на боксеры Большой плот-«сигару» строительного леса для Анапкинского рыбокомбината.

На первые экипажи судна бухировали такие «сигары», и каждый рейс сопряжён с большими трудностями. Самое страшное для моряков — это волны. Плот боялся шторма. Крупной волной его то высоко поднянет, то с чудовищной силой бросает вниз и от этого обвязка плота часто ослабевает. А sonst выпасть одному бравому, и вся «сигара» может распасться.

Штурман заметно усилился. Жуковец поднялся к вахтенному матросу. У штурмана стоял комсомолец Владимир Соловьев.

— Как дела, Володя?

— Да, волны были бы не плот, — озабоченно ответил штурманский. — Я вот стою и думаю: проверить бы его надо, за ночь, на-верное, сильно расшатал.

В этот момент с рёвом налетела высокая волна и со страшной силой ударила в борт.

Сквозь шторм

Моряки, стоявших на верхней палубе, обдало водой с ног до головы.

— Да, проверить плот необходимо, и следить это надо немедленно! — крикнул Жуковец и бегом, дробно стучу ногами по тропу, бросился с мостика вниз.

Пароход был рывками, разко покачиваясь. Когда судно зарывалось носом в волны, обнажалась корыта, и винт, бешено вertiaясь в воздухе, сотрясал железную громадину.

Не приступив к плаванию, капитан, старший механик и комсомолец Иван Жуковец и трое комсомольцев — Геннадий Захаров, Михаил Гончаров и Василий Павлов, — испросили разрешения капитана, уже спускали шлюпку.

На палубу высыпал весь экипаж. Трое матросов работали у шлюпбалок, а один, драту группе моряков держала наготове вторую шлюпку, чтобы в случае чего немедленно прийтись на помощь товарищам.

Капитан из стороны в сторону, шлюпка с четвертой стороны, моряков отнесли от борта парохода и направили к плоту.

Осторожней подходите к «сигаре!» — донеслось с парохода чьё-то предостережение. Сиреневые волны набрасывались на лёгкую

лодку. Но вот и плот. Жуковец внимательно гляделся в ближайший трос обвязки.

— Смотрите, как расшатал бревен под тросями перекатываются одно через другое.

Михаил Гончаров поломал венец, перебрался на нос шлюпки и спрыгнул на плот. Вслед за тем полетел конец верёвки. Через несколько минут шлюпка была привартирована к плоту.

Бороздившие топарами и большими молотами, моряки приились укреплять обвязку. Ни плоту качало меньше, чем в шлюпке, но донимал пронизывающий холод. От ледяной воды мёрзли руки, распухли пальцы, всё трудея становилось держать в руках инструмент.

Железные скобы, которыми тросы крепились к бревнам, жгли пальцы. Так проработали комсомолцы два часа. Затем подсушив синие обувь, капитан снял с тела плот утеплитель и, окончательно, вернулся на пароход.

На следующий день «Терек» вышел в бирюзовую реку Аянапинского рыбокомбината.

— Из этого леса, — сказал Жуковец комсомольцам, — построят плот для рыбаков. И каждый из нас сможет сказать, что в этой стройке есть частица нашего, комсомольского труда.

Н. Голованов
г. Петропавловск-на-Камчатке.

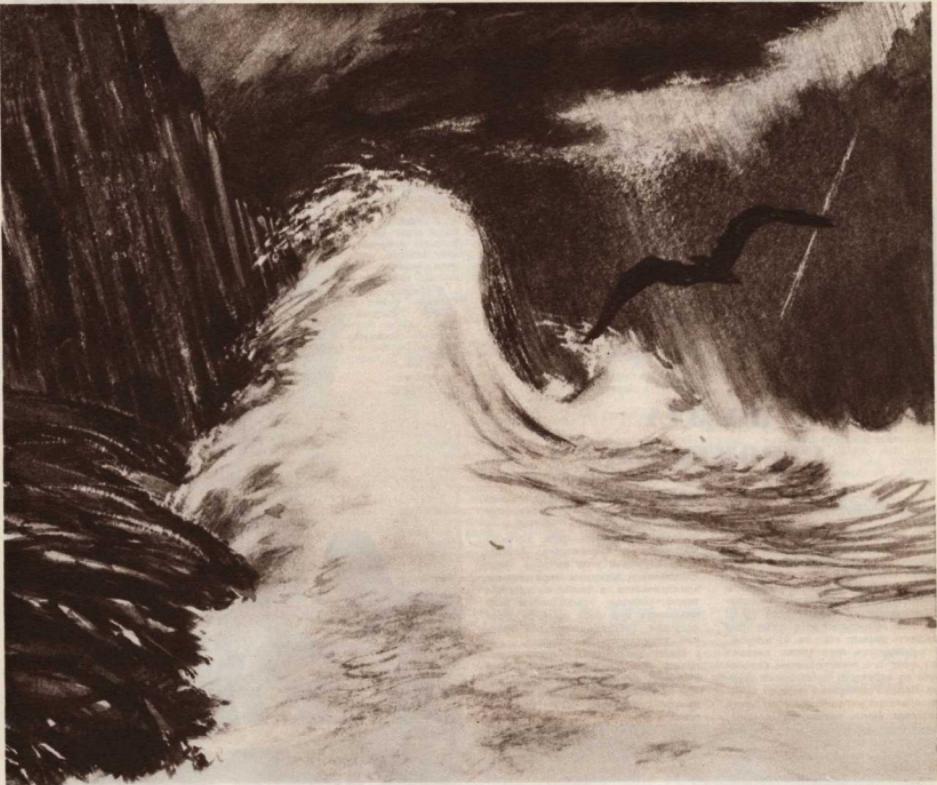

Рисунок А. Ливанова

Максим ГОРЬКИЙ

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо рече Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаюсь, то стрелой взывая к тучам, он кричит, и— тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике— жажды бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенности в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей,— стонут, мечтая над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут,— им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин рабко прятет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник рече смело и свободно над седым от пены морем!

Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте наовстречу грому.

Гром грохочет. В пene гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охва-

тывает ветер стаи волн объятые крепким и бросает их с размаху в дикой глобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком рече, черной молнии подобный, как стрела проповедует тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон,— гордый, черный демон бури,— и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома,— чуткий демон,— он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца,— нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отражения этих молний.

— Буря! Скоро гронет буря!

Это смелый Буревестник гордо рече между молний над ревущим морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

ГОРЬКИЙ И МОЛОДЕЖЬ

В апреле 1901 года в журнале «Жизнь» появилась «Песня о Буревестнике» Горького. Вначале «Песня» входила в рассказ «Весенние мелодии», где птицы рассуждают о свободе и чиж поёт товарищам где-то слышанному им «Песню о Буревестнике». Царская цензура рассказ перепечатала запретила, но по олонности пропустила «Песню».

«Песня о Буревестнике» была воспринята всей массой читателей Горького, всей революционной молодёжью как манифест революционного подъёма с предвестием «бури», с призываом к открытой героической революционной борьбе.

«Буревестник» — писала М. И. Калинина, — как бы обобщила настроение борьбы с самодержавием и его порядками».

Начало XX века — эти годы полны были огромного содержания в истории революции.

В декабре 1900 года выходит первый номер «Искры», организованной В. И. Лениным. И. В. Сталин сразу же устанавливает связь с ленинской «Искрой», а в 1901 году руководит первомайской демонстрацией в центре Тифлиса: 22 марта 1902 года товарищи Сталины руководят знаменитой батумской демонстрацией.

Нарастает «бури», и её вестниками, глашатеями и знаменосцем выступают прославленный уже на весь мир писатель Максим Горький. Его «Песня о Буревестнике» стала революционным манифестом, художественным и политическим документом времени.

Ленин в статье «Перед бурей» и Сталин в прокламации «Ко всем рабочим, пользующимся образами горьковской «Песни», как широко известными массами».

Революционная молодёжь того времени устраивала демонстрации в театрах на спектаклях пьес Горького. В Нижнем горячим речером с галереи произнес младой Я. М. Свердлов, организатор и пропагандист местной большевистской группы. Двинский театр был закрыт вследствие манифестации в честь Горького. В Киевском театре Соловьёва во время представления пьесы «Дачники», когда погасло электричество, с галереи раздались возгласы: «Да здравствует Горький! Да здравствует Даль! Да здравствует Попов!». Популу аплодисментов были сброшены прокламации. Во Львове 24 февраля 1905 года во время спектакля «На дне» в местном городском театре были разбросаны печатные анекдоты: «Протострем против заключения Горького!».

Когда провожали Горького из Нижнего в 1901 году, революционная молодёжь устроила на вокзалах манифестацию, а затем с пением революционных песен прошла на главную улицу Нижнего-Новгорода, где была организован лестный митинг. Это была первая политическая демонстрация в Нижнем.

Манифестация в честь Горького происходила по всей стране: в Кинешме, Ростове-на-Дону, Саратове, Одессе, Казани и в других городах.

Был создан своего рода гигантского темперамента отдавал злобный писатель молодёжи. Когда нарское правительство, налагнув движением студентов, издало «временные правила», по которым «за ученическое скопом беспорядков», т. е. за революционные выступления, студенты карались «исключением из университетов и

отдачи в солдаты», Горький выступил со страстным протестом.

Связь с молодёжью не прерывалась у Горького и тогда, когда он жил на Капри. В одной из своих статей 1911 года он сочинил стихи за видевшуюся ему тогда там, где им было прочитано более четырёхсот романов молодых писателей. А в советскую эпоху, когда Горький был вынужден по состоянию здоровья жить в Сорренто, как-то само собой получалось, что рыбаки, скадоры, начинавшие писатели и просто рядовые участники социалистической стройки со всех концов страны стали направлять ему десятки писем, рукописей, запросов, посыпали свои литературные опыты и рассказывали о своей работе, как добруму советчику, наставнику другу.

В марте 1926 года Горький так перенес свою вынужденную из этой деревни: «Каждый раз, а это каждый день — получал письмо со каждого избрального молодого человека, начинающего что-то понимать, чувствующий ожог, хочется к человеку этому бегом бежать. Какие интересные люди и как всё у них кипит и горит!»

Дм. КОВАЛЕВ

Сердце Данко

Я помню детские мои лета:
Не думал о прозяблых и гулянках.
Жил в душе моей одна мечта —
Найти тот лес,
Где путь окончия Данко.
Успею лиши ресницы я сомкнуть —
Его пылающее сердце синится,
Мини искрами забрасывает грудь,
Минуты —
И мой восплемится.
И вот теперь,
Когда мне двадцать пять,
Когда мой шаг
Отчёмётый, смелее,
Я переживаю
Тот детский сон спать
На Красной площади,
У мавзолея.
Не здесь ли,
У зубчатых этих стен,
Большое сердце Данко отмыкало?
Негаснувшая искра, поддается,
На башню Спасскую
Звездой упала...

В мае 1923 года Алексей Максимович вернулся на родину. Исторические сцены приезда его в Москву, то ли на площади Белорусской железнодорожной станции, то ли в зале заседаний парламента народа, как великолепный праздник.

«Взволнованный энтузиазмом встречи», — писал Горький, — я и сейчас не могу уложить в слова мои чувства... Самое важное и радостное в этой изумительной встрече то, что я увидел, почтываясь: молодые силы Союза Советов умеют ценить работу, умеют восхищаться ею... Невыра-

зим словами радость знать это, дорогие товарищи!»

В журнале «Наши достижения», который Горький основал вскоре после присоединения Крыма:

«Может быть, моим читателям не нравится, что я так часто возвращаюсь к прошлому? Но я делаю это сознательно. Мне кажется, что способность наслаждаться прошлым, не ясно представляемое мое чучело, не знает тех условий, в которых работали отцы до дней, когда их организованная воля опрокинула и разрушила старый строй».

Затем Горький писал:

«Я — свидетель тяжёлого старого с новым. Я даю показания на суде истории перед лицом трудовой молодёжи, которая мало знает о прошлом прошлом и поэтому нередко самимко паою ценит настоящее, и да и недостаточно знакома с ним».

Так из книги в книгу писал Горький свой «показания».

Горький, как никто, знал весь ужас жизни в царской России, сам выбывал из её глубин, знал весь гнет, тяготивший над народом.

Кому, как не Горькому, было знать это! И вот молодёжь, и молодёжь знала это знание, впитала его непринимаемость к прошлому, научила её неизводима мещанство, как переходок капитализма.

«История возможна не вас, молодёжь, великий труд — быть проповедниками нового отношения к человеку, учителями строения новой жизни. Это обилья вас дружно и усердно учиться, прежде всего учиться. Чем больше знает человек, тем он сильнее. Это неслоримо. А когда человек знает, как огромна и величественна цель, поставленная им себе, он становится еще сильнее», — писал Алексей Максимович.

Помимо журнала «Наши достижения» Горький создал и возглавлял журналы «За рубежом», «Литературно-учеба», журнал для молодых писателей, основывает серии книг: «История молодого человека XIX столетия», «Библиотека поэта», «Жизнь замечательных людей».

Будущее принадлежит молодёжи. Это «закон природы», писал Горький. Поэтому комсомол идёт на всякую общественную работу сознательно, как на работу для своего будущего.

Обращаясь к Всесоюзной конференции ВЛКСМ, Горький говорил:

— Вы не только рабочая молодёжь, а хозяева своей страны, и нет и не может быть ни одного вопроса в нашей действительности, который стоял бы вне вашего внимания. Не должно быть такого вопроса.

Горький горячо мечтал о мире, о плодоносном мире, когда освобождённый труд строителей социализма переделает природу, удовлетворит потребностям, покончит материальными благами, и труд превратится в искусство.

В статье 1935 года «О новом человеке» Горький писал:

«Товарищ Сталин рассказал нам о причинах и о смысле стахановского движения... Стахановское движение — огненный взрыв, массовой энергии, взрыв, вызванный колоссальными успехами труда, сознанием его культурного значения, его силы, освобождающей трудовое человечество из-под гнёта прошлого».

Слово мое, слово...

Этот взрыв массовой энергии был для Горького предвестием трада как искусства, когда каждая тройка может стать, как ставшем лицом артистом в своем деле: когда социалистическое соревнование в труде соединяет всех разноиспытанными и разноценностными, не стесняя развитие своеобразных способностей каждого, а только помогая росту их.

Горький мечтал о мире и о труде. Горьба за мир неотделима от страстных разоблачений Горьким империалистической реакции.

Почти все привыкали верхушка империалистических государств фигурировать на страницах публицистики Горького. О чём спорят холода? — спрашивал Горький и отвечал: «Спорят они о том, которая группа воров имеет право быть самой богатой и командовать миром».

«Промышленники Америки записали горы земного сокрушения, давшие им огромную прибыль, и ведь доказано, что самое прибыльное дело — это обращать людей в клакс и поклонников».

Горький предлагает считать капиталистов социально опасными. «Они не могут жить, не организуя массового истребления народов, они — профессиональные убийцы рабочих масс».

Горький требовал сознания каждого рабочего его исторического долга, его права на власть, революционной активности. «Мир торговлей», — пишет он в редакцию журнала «Молодой большевик», — дожил до предела цинизма и до явного безумия. Но он всё ещё верит, что ему удастся поднять против нас свои армии, верит в это и побежит этого».

Строители, ненавидящие капиталистических хищников, писатель призывают всех трудающихся к сокрушуению в борьбе против них: «У proletariat всех стран должен быть один язык, это — язык непримиримой ненависти к паразитам, хищникам, угнетателям и предателям...»

Слава свою страну, Горький называл об «богатейшей страной мира, разнообразной по её природным условиям, по обилью ископаемых сокровищ, по разнообразию и талантливости её населения».

Как он радовалась на парadesах физкультурников, когда молодёжь проходила перед ним! Этой молодёжи он писал:

«Видя эти десятки тысяч юнош и девушек, стройными рядами идущих к величию будущему, чувствуешь волнение, от которого сердце готово разорваться».

«Чувствуешь, что ты у тебя нет места в рядах этой могучей армии, что ты уже не в силах идти в ногу с ней и, порвавшись с мазохизмом, крикнуть искреннею «ура!»

Но это акнитная печаль, и она сгорает быстро, как испытка спички. Побеждает радость жить среди людей, привыкших историей обладать весь мир трудающихся. В этой радости сгорают все печали, легко переживается все несчастья, даже и неличные. Радость и гордость — успехами труда и культурного роста — когда и ком испытывалось это в стиле, как мы имеем право испытывать возымающее вспышки сил?»

На здравствует Иосиф Сталин, человек огромного сердца и ума, человек, который вчера так прогатительно поблагодарил молодёжь за то, что он дал ей «радостную юность!»

Да здравствует молодёжь, счастливая тем, что она имеет возможность свободно развивать все свои способности: все таланты, счастливая тем, что имеет возможность свободно учиться великой и действительно неоспоримой истине!

Многочисленные обращения Горького к рабочей молодёжи той или иной отрасли производства, широка его переписка: «Радостно жить и бороться в стране», — пишет он, — где великая мудрость Маркса и Железова, великая мудрость Сталина всегда освобождают человека от проклятых навыков и предрасудков прошлого... Любите вашу вторую мать, могутую социалистическую нашу Родину».

Слово мое, слово ты и дело!
Рвётся песня сердца в мир открытый смело...
По полю ту песню мне б зерном развеять,
Дождиком живицем по стени рассеять,
Посадить берёзкой, развесёлым хлебом,
Кряжистым дубочком, тополем зеленым.
Мощную пластиной на Днепре поставить,
Стально голубым, звонко пальмовым.
Всесоюзную обраба смысли сныльным блоком,
С гор пустить высоких искристых потоком,
И канавы новым выпасенуть в пустыне,
И в песках разытъ бы морем синим-синим.
Видишь, моя песня, сколько тебе дела!
Я хочу, чтоб соколом в небо ты летела,
Чтоб в колхозном поле плелилась колос,
Чтоб вплеталась в мирный всемирный голос.
Будь же, песня сердца, пылкой, беспокойной,
Будь неутомимой, слаженной истройной!
Утром голубином
Выходи в дорогу
И шагай с народом
И Огизианом —
В ногу!

Перевод с украинского
Александр ТВЕРСКОЙ

Сильва КАПУТИКЯН

Дума о лавровом венке

Смотри!
Полотно висит у станков.
На красной ткани написано так:
«Знатный рабочий Пономарёв
Работает на этих станках».

Имя рабочего, достойное славы,
Окружено зелёными листьями лавра.

Вымыты из золота листья лавров
Украшали в бывшие годы
Горделивые короны тиранов,
Которые проклянили народы.

Прославленные акты лавровых венков,
Вымыты на мраморе в бывшие годы,
Окаймляли холодные албы мурдечев,
Которых не понимали народы.

Смотри!
Полотно висит у станков.
На красной ткани написано так:
«Знатный рабочий Пономарёв
Работает на этих станках».

Имя рабочего, достойное славы,
Окружено зелёными листьями лавра.

Из эз лавровых венков,
Производивших
Грохов
В течение веков,
Самый великий и самый лучший —
Этот,

Нарисованный
Художником-самоучкой!

Перевод с армянского
Н. ГЛАЗКОВ

Павел ШУБИН

Утро мира

Зари раскраска непростая
Чуть обозначила восход,
И голубой восьбы стая
С карниза сорвалась в полёт
И звягала над Москвой,
Очерченная синевой.

На пашнях вешняко, сырью
Упала первые лучи,
Труд трактористов ревизуя,
Идут по пахоте грачи.

Шагает грузно экскаватор, —
Он весь в земле, —
Он в глине весь:
Канала нового фарватер
От Дона. Воле лежит здесь.
Тугая сталь

уральской конки
Приветствует восход зари
У Жигулей и у Каховки,
У берегов Аму-Дарьи.

Бойска, готовые к параду,
Стоят в строю —

за рядом ряд.

Они за мир,
за нашу правду
С любым врагом поговорят,
И он услышит эту речь.
Пред тем, как трупом в землю лечь.

Мы никому не угрожаем,
Мы плашим добром добром;
Гордимся прошлым урожаем,
Сегодня — лучший соберём!

Наш вождь, преднаученный мудро
Пути побед, размах работ,
С любовью будет в это утро
Родной приветствовать народ.

Всех тех, кто здесь пройдёт рядами,
И тех, кого не будет тут,
Тех, кто в Корее и Вьетнаме
Сражается за мир и труд,
Победы знамя поднимая
В огне боёв под солнце мая.

Апрель, 1951 год.

У ПРЯМОГО ПРОВОДА

Иван Падерин — офицер Советской Армии. В годы Великой Отечественной войны он был инструктором политотдела армии, а затем заместителем командира по политической работе.

Падерин воевал в частях знаменитой 62-й армии, которая защищала Сталинград, участвовал в штурме Берлина. Это были самые тяжелые бои в жизни, самые страшные и легки в основе книги «На главном направлении», которая недавно вышла в издательстве Военного министерства.

Вокругонце и тепло, рассказывает автор о Верховном Главнокомандующем И. В. Сталине, чей полноводеческий обличье рисует в гипердраматических тонах. Публикуют отрывки из книги в короткие интервью, приходится заниматься переговорами по прямому проводу с И. В. Сталиным с В. И. Чуйковым в период сталинградских боёв.

Под высоким обрывистым берегом, где стоят опустившиеся нефтяные баки, примостился армейский узел связи. Сюда тянутся десятки проводов и динамит, бригад, отделенных полков, батальонов. У входа в штольню они спутались, и трудно понять, какой куда идёт. Тонко и осторожно.

С особым вниманием следят отряды кабельщиков за «Большой землёй». Он почти не отличается от других, но я каждый раз при входе слыши нахожу его глазами. Чёрной змейкой извивается вокруг шеста, он прыгает в землю, проходит по дну Волги и там, на другом берегу, вырывается на поверхность.

Сегодня я прохожу, стараясь не замечать его: я снова несу нерадостное донесение.

Положение войск не очень ясное. Во многих местах наши части прижаты к берегу Волги. В районе Тракторного завода немцы отрезали две наши части, действовавшие на северной окраине города.

Усталые телеграфисты, наверно, читают содержание донесения на моём лице. Они вернулись, но непрежнему пропускают все очереди.

Старинные аппараты «бодо», работающие по прямому проводу, уже передали по радио строку донесения: «Я хочу поговорить». Тогда я слышу, как кабельщик напоминает о работе аппарата: «Глухой, так-так-так».

Это постукивание «так-так-так» отделяется где-то там, за Волгой. Мгленино внизу, как читают ленту в штабе фронта: я знаю, что её содержание станет известно москвичам, уральцам, сибирякам. Сжимается сердце. А аппарат попрежнему твердит: «Так-так-так...». Хочется крикнуть: «Нет, не так! Не будет так!»

Вдруг аппарат был заторпанился, буквы начали пригрызть одна из другой. Бодист нервно ударил пальцами по клавишам, как бы давая аккорд, но соседний аппарат уже принял предупреждение: «Провод!.. Провод!..»

Сначала этот сигнал дала какая-то перемычка, затем контрольный пост, потом подключились фронтовой усиленник. Где-то что-то случилось. Затем на ленте появляется слово: «Жемчуг, Жемчуг!..» Это позывные нашей армии.

«Жемчуг к аппарату 05..» К аппарату 05... Бодист подложил пальцы к клавишам, сокращёнными знаками спросил: «Кто зовёт?» Тут же звянился фронтовой узел: «К аппарату 05.. Уходите в линии, уходите с линии. Давайте 05..»

Кто и почему прервал телеграмму, не пойму. Пытаюсь спросить, но дежурный контролёр приложил пальцы к губам.

Между тем командование ушло уже звонок, и через две — три мучительно длинных минуты вошли в аппаратную. Оно сосредоточенно осмотрело присутствующих и, наклонившись над аппаратом, почти шёпотом приказало телеграфисту:

— У аппарата 05, я вас слушаю.

Наступила минутная пауза. Дублирующий аппарат повторил слова Чуйкова, но на ленте ещё нет ответа. Видимо, в аппаратной перемычка повторяла их. А в это время из-под земли поднялась скотина и вонзила в землю нос Чуйкова. Но вот он наклоняется ещё ниже и, жадно ловя каждую букву, то отстраивается, то снова наклоняется, готовясь что-то сказать. Из-под его руки мне видно слово: «Здравствуйте». Затем, буква за буквой, аппарат выстукивает другое, третья: «Я успеваю прочесть всю фразу».

«Здравствуйте, Василий Иванович!»

После короткой паузы, в которую Чуйков не успел вставить свой ответ, на ленте появляются новые фразы:

«Как вы себя чувствуете? Как ваше здоровье? Что у вас нового? Как ведёт себя противник?»

Чуйков набрал полную грудь воздуха, посмотрел на своих перебигавшие руки и, видно, чтобы ответить на вопрос о своём здоровье, после слова «здравствуйте» коротко доложил обстановку. Телеграфист едва успел передать его слова, как на ленте показались новые фразы:

«Ваша семья теперь в Москве. Все живы и здоровы, не беспокойтесь...»

На лбу Чуйкова показалась ещё одна, не замеченная до сих пор глубокая бороздка. Он поднял голову и, пробежав глазами по ленте, при-

готовился ответить, но после слов «спасибо вам» встретил предупреждающий взгляд дежурного контролёра и умолчал ими, которых хотел произнести.

На ленте снова появились вопросы. Спрашивающий, видимо, хорошо знаком с расположением города и интересуется такими объектами, какие даже многим живущим в Сталинграде мало известны.

Но вопросы: «Где ваша квартира?» и «Где ваши глаза?» — Чуйков называл квадраты топографической карты.

«Думаю, что Банный овраг — наиболее подходящее место для КП. Закапывайтесь глубже и прочнее в этот берег!» — посоветовал спрашивающий.

И Чуйков показался шифрованные группы цифр, затем слова текст:

«А ваши «глаза» я советую устроить на развилке дорог у кургана, где стоит будка. Отсюда вам удобнее видеть заводской район и легче разглядеть замыслы противника...»

Чуйков встал во весь рост и, вытянув руки по швам, произнёс:

— Есть. Слушаюсь!..

И я вдруг понял, что Чуйков стоит перед большим человеком, советы которого сильнее всякого приказа.

«Какая вам нужна помощь?» — дважды повторился вопрос. На лице Чуйкова крупные капли пота. Он думает. И необычно отвечает:

— Тесно.

Рисунок П. Пинкевича

Снова пауза. Аппарат вдохновенно отстукивает: «Так-так... так-так...» Чуйков прислушался и, видимо, обдумывая предложение, приготовился что-то сказать, но ему снова помешал встречный текст:

«Помощь будет оказана. Всемерно поможем вам. Передайте мой боевой привет славным бойцам и командирам вашего соединения... До свидания!.. Крепко жму руку вашим боевым помощникам: Гурову, Крылову, Лодыкину, Родимцеву, Батюку...»

Чуйков встал, взял под козырёк.

Мы приняли положение «смирно».

А аппарат попрежнему отстукивает: «Так-так... так-так...»

Через несколько дней после этого разговора в газете «Правда» на первой странице появилось сообщение о том, что Верховный Главнокомандующий товарами Степаном войска с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о награждении участников обороны Сталинграда, в котором отмечает особую роль 62-й армии, командующего Чуйкова и его ближайших помощников.

ХОЗЯЙКА ПЯТИ МОРЕЙ

Великий русский писатель Алексей Максимович Горький ещё более двадцати лет тому назад писал о Советской стране: «...настало время, когда в карнавобие хотят и должны быть не только мастерами, а и художниками, выступающими своего дела... Настало время, когда в жизнь должны властно войти не десятки, а сотни тысяч мастеров науки, искусства, техники, когда вся резервная, еще не работавшая нервно-мозговая энергия миллионов должна принять активное участие в строении новой действительности, новой истории».

Эти слова Горького невольно приходят на память тогда знавшемися с молодой красавицей московского порта комсомолкой Зинайдой Петошиной, когда своими глазами наблюдалась за подъёмом вытургозной работой этой талантливой девушки, вышедшей из самого народа, «из миллионов».

Зинайде было только два года, когда появилась статья Горького, но будущее этой девочки было уже предсказано. Она выросла, возмужала, и вот её руками делается уже новая история. Она и сейчас ёщё юна, а уже эти годы идёт на имя славы, как и предсказывал старик Гар. И не так давно можно было прочитать во всех газетах, что Зинайда Ивановна Петошина удостоена за свою блестящую работу почётного звания лауреата Сталинской премии.

Мы сидим с Зинайдой на балконе её маленького «пловучего дворца», как она сама шутя называет свой домик, построенный на берегу реки. Пожалуй, это действительно пловучий дворец — так близко катится под самым балконом волны Москвы-реки, наливая свою тихую песню. Но и пароход проплыл мимо, совсем рядом, и за них поклонился член хвоста баржи, обогнув плавучий дворец.

— На работы не бываем, — улыбается Зинайда. — Видите, как о нас забоятся?

Это верно. С тех пор, как извечно сухопутный город Москва стал портом трёх морей — Балтийского, Белого и Каспийского, — ни на один час не прекращается поток грузов, идущих водой в столицу и из столицы. А с весны 1952 года Москва становится портом пяти морей: канал Волга — Дон связывает Москву с Азовским и Чёрным морями. Зинайда будет принимать нововороссийский цемент, азовские фрукты, кубанскую ячмень.

— Как, скажите! — заливается она громким смехом. — Я хозяйка пяти морей!

Хорошо попутчила Зинайды! А разве это неправда? Для кого строятся в нашей стране гигантские каналы, связывающие дальние моря, для кого строятся невиданные и миры гидроэлектростанции, прощающие миллионы гектаров пашни, насыжающие густые леса в пустынных степях, воздвигающие высотные здания в городах? Для Зинайды это, для миллиона таких, как она. Они и есть хозяева всего этого, всей нашей страны.

Хорошо, что в нашей стране строят каналы. Когда Зина поднимается на рассвете из своей гигантской краинки, первым выпустает перегибней предрасветной мглы величественный шипень строящегося университета на Ленинградской набережной. Сюда она и направляется из дна по 600—700 тонн алебастра, песка, цемента. Сто девяносто тысяч тонн строительных материалов дали Зинайды Москве в прошлую навигацию, двести двенадцать тысяч тонн обвалилась она «переработать», — и это при норме для её крана в сто две тысячи тонн!

Пока вы сидите в пловучем дворце Зинайды Петошиной, вы имеете возможность познакомиться со всем её семейством. Мать Анна Кузьминична работает тут же в порту матросом, она только что пришла домой на обеденный перерыв; забежала в дом сестра Нина, тоже, как и Зина, работающая крановщицей. Появились брат Николай, брат Борис — и они крановщики.

Крановщица московского порта Зинайда Петошина.

— Вся семья у нас пловучая, — резюмирует, смеясь, Зинайда. Но тут же задумывается и после долгого молчания: говорит: — Первый французский самолёт я увидела с баржи.

Ей было тогда двенадцать лет, она плыла с отцом по реке Сави. Отец её был шинкнером. А когда баржа вошла в Неву, в Ленинграде уже рвались гитлеровские бомбы.

Большой счёт может предъявить каждая советская женщина, начинавшая войну за все ради наименее Родине. Есть личный счёт у Зины: она потеряла отца, она вынуждена была оставить школу.

Горячо и взволнованно говорит она о том, что за мэр нужно бороться всеми силами. Что из того, что у неё есть некоторые успехи в работе, что она достигла известного совершенства в труде, — это ведь первый шаг. Нужно много знать, чтобы дальше совершенствоваться со временем.

— Вы понимаете меня? — часто прерывает она свой рассказ. — Вы понимаете мою мысль? Хочу мира — работай ещё лучше. Я не хочу войны, она не нужны мне. Я хочу трудиться в радости.

Трудиться в радости... Как много сказано в этих коротких словах! Она и трудится всю свою знатительную жизнь в радости. Поэтому ей так легко и даётся работа. Посмотрели бы вы на Зину, когда она поднимается на свой кран, посмотрели бы вы на неё, когда она «перерабатывает» груз!

...Разгружается только что прибывшая баржа со строительными материалами из дальневосточного электротяжёлого крана, стоящий чуть ли не на самом краю берега, и эту стрелу, и длинный стальной трон, сверкающий на солнце, и мощный грейфер с его огромной пастью — перед вами машина как машина, какой её создал разум изобретателя. Но скоро вы перестаёте всё это видеть: перед вами возникает сам человек, управляющий машиной, ты только его одного видите: сосредоточенное лицо Зины и её руки... Не слышан больше мотор, нет здесь больше ни стрельбы, ни трона, ни грейфера, а есть руки... и пальцы девушки, есть её сердце...

Вот она коснулась послушной рукой влажной массы песка, и вмыг кисть уже зажата. Поворот, плавный взлёт по дуге, пальцы разжались — и груз уже в бункере. Трижды шесть секунд, и рука девушки опять коснулась песка в барже. Цикл завершён. А на цикл по норме положено 60 секунд.

Но попросите самой Зинайду рассказать, в чём секрет её мастерства, и она потупит глаза и всхздит: «Ничего особенного». Она всего лишь «сомневается» операции: подъём грейфера происходит у неё одновременно с подъёмом груза. Это значит, что технический язык означает, что используется инерция грейфера, который, захватив груз, стремительно вырывается из баржи и, идя впереди стрелы, увлекает стрелу за собой и укоряя её бёд, облегчает работу мотора.

И только спустя некоторое время Зина бросает на ту самую фразу, которую вы не могли не ждать:

— Я не ощущаю машины, я чувствую тело: свои пальцы, лежащие на рукоятках. Она сплелась с машиной, целиком подчинила себе её. Всё теперь скрепят.

Что это: ловкость, сноровка, глазомер? Да, это и ловкость, и сноровка, и глазомер. Но в то же время это точный расчёт. Разум.

Самый краин она так ставит по отношению на барже, чтобы рабочий, утюг половора стрельы, мог манипулировать. Это значит, что в полёте она поднимает грейфер с грузом не выше той минимальной высоты, которая необходима, чтобы не заледеть и не сбить с оружия на барже. Опять экономия секунд на подъёме груза и на спуске его над баржем.

Зинайды Петошиной и учит других крановщиц этому, — в том и заключается её ведущая роль как новатора производства. Здесь есть заслуги, за которые она удостоена звания лауреата Сталинской премии.

И если вы узнаете по звуку, что Зинайда Ивановна, кроме всего, сконсервировала 90 тысяч рублей государственных денег, сконсервировала, что, ни разу за все три года, где бы работала, она не получала ни единой копейки, то это лишь скромное добавление к тому, что мы уже знаем. Когда человек любит машину, живёт и дышит в машине каждый винтик, каждая шестёрёнка.

И вот уже новые творческие замыслы всплывают молодого лауреата: нельзя ли изобрести такой прибор, чтобы подъём груза на определенную высоту и умение одновременно приводить стрелку в нужное место производились хотя и под командой человека, но самим прибором?

— Я читала в журнале, — поясняет она свою новую идею, — каким образом изобрести электродинамический токометр, чтобы он, кроме отключения молнии, коротко по тему же принципу, по какому прибору сошёл свою материю Триста сосновки. Почему же нельзя передать какому-то прибору те «такты», которыми мы управляем грейфером и стрелой?

Она не говорит: «Я управляю», — она говорит: «Мы».

И тут же возвращается к мысли о войне: только бы война не помешала. Всё можно сделать, любой прибор, любую машину, лишь бы ничто не мешало творчеству. И заканчивает так:

— Если другие не изобретут этот прибор, я его изобрету. Я буду изженкером.

Опять вспомнились слова великого Горького:

«В Союзе Советов растёт новый человек, и уже беззабочно можно определить его качество... Он чувствует себя творцом нового мира... Он молод не только биологически, но исторически».

Это о Зинайде Петошиной писал Горький.

А. АГРАНОВСКИЙ

Н. ПЛАСТОВ.
отделение IV художественного института имени Сурикова.

Песня прощания.

Московский институт инженеров транспорта имени И. В. Сталина. Профессор С. П. Бузанов проводит консультацию со студентами IV курса.

Фото А. Моклецова

Подойдёт Чоба к поющему Флегонту, обопрётся на посох и слушает...

Николай ВИРТА

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Сторожевы на основании каких-то туманных предположений и домовладений преданий приписывали честь основания Двориков своему

Так это или не так, вопрос не решённый и понятен; одни достоверно и подтверждено многими свидетельствами: изба, в которой проживал Лука Лукич, была самой старой в селе.

Древние старцы утверждали, что изба эта стояла на том же самом месте и при их дедах и прадедах, то есть от села Жило-оского.

Быть может, благодаря этому обстоятельству, двор Луки Лукича и получил название «сторожевского», и хотя в бумагах Лука Лукич звался Окуниным, в обиходе он и его семье проочно были Сторожевыми: прозвище постепенно вытеснило фамилию, — явление в сельской жизни нередкое.

Лука Лукич жил на Большом порядке в старой половине избы, а пристройка к ней — в то время разделенная на кухню, боярскую спальню для замужних дочерей и женихов сыновей и в厨е: все эти комнаты соединялись переходами, в которых запрудились.

Семейство у Луки Лукича было огромное — около сорока человек. Тут вековая закон — никого из дома на сторону не отпускают: женщины приводили в дом зятьев, мужчины — невесток.

В клетушках и спальнях, где котились эта орава, Лука Лукич появлялся только затем, чтобы разбрить баб, которые часто шумели, а порой и дрались — за них же то и дело возникающих в огромной семье. Ими верховодила большущая, видавшая свет с Луки Лукича, умершего лет десять тому назад. Супротив его сына, Ильи, к отпеванию тому времени был взводчиком; старуха Луки Лукича и жена Ивана умерли в один год.

Большуха устанавливалась для баб очередь хозяйственных дел: одна

в издательство «Молодая гвардия» скоро выйдет мой новый двухтомный роман «Вечерний звон», начатый ещë в 1930 году и законченный в прошлом году. «Вечерний звон» — первая книга из задуманного мною цикла романов: их будущие названия — «Приключения и «Землемерность», опубликованы ранее и подлежащие значительной переработке.

В эти восемь романов через крестьянскую семью Сторожевых я хочу показать процессы, происходящие в крестьянстве деревенском и селенским, от конца XIX века до наших дней. Таким образом, в конечном виде весь этот цикл романа будет состоять из четырех книг, охватывающих историю от конца Большевистской партии, руководимой Ленинским и Сталинским, вела рабочий класс и крестьянство нашей Родины к революции 1905 года, к Великой Октябрьской социалистической революции. На конец же этого цикла пройдет великая шестидесятилетия, летопись же нашей истории Тридцатых годов.

Задача моя состоит в том, чтобы в художественных образах с заключенным в них содержанием, во всех они скрытым, собрать историю семьи Луки Лукича Сторожева, живущей на Тамбовщине. На конец же этого цикла пройдет великая шестидесятилетия, летопись же нашей истории Тридцатых годов.

Каждый из романов будет представлять собой произведение с заключенным в нем содержанием, во всех они скрытым, собрать историю семьи Луки Лукича Сторожева, живущей на Тамбовщине. На конец же этого цикла пройдет великая шестидесятилетия, летопись же нашей истории Тридцатых годов.

Сейчас и окончил первый том романа «Ураган», который явится непосредственным продолжением романа «Вечерний звон», главы из которого предлагаются вниманию читателей «Смены».

Автор.

у неё пекла хлебы и пироги, другая варила еду, третья обивала детей, четвёртая носила воду и солому для печей.

Большуха пользовалась безграмматностью, но у неё было и лицо и руки. Лука. Она в корне пресекла всякую мысль о разделной работе и жизни. А женщины только о том и думали, как бы поменятьнее сделать для всех и побольше для себя, как бы не переработать противу прочих. Известно, бабы больные, чем мужики, ратуют за раздел: сторожевский дом не был разделен. Тогда какая-нибудь Адапата — скажем, мать, — горит и лежит и почкою, и ту, и чтобы отвалиться, и начинает плясать под ёё дудку: «Давай раздел, дад, как больше жить немногому!»

Раздел был мячом каждого, кто жил в стенах большого сторожевского дома.

Но как раз о разделе тут запрещалось не только говорить, но и думать. В этом смысле Лука Лукич был полновластным хозяином. Правда, в действии его пронестка на глубоком убеждении в том, что строгая глава семьи, честная правительница, тем семейству лучше

одному и у каша неспоро и чем он держит в своих руках бразды живётся.

Лука Лукич был натурой сильной и суровой; времена, испытания и положение в «обществе» сделали его волос еще более непреклонной.

Домон им правил силой своего исключительного ума и нравственных качеств. никто не мог упрекнуть его в каком-либо излишестве: он строго соблюдал себя от пьянства, с бабами как будто не обращался, а если и обращался, то скромно, работал больше любого другого мужика. Такой человек не мог быть плохим хозяином.

Лука Лукич умел хорошо загадать для дома, как о нём говорили, знал все преми, и село всегда ждало его слова насчёт сева или зажина.

Он лучше всех понимал, что хозяйство водить — не разина рот ходить. Силу своего двора Лука Лукич знал как раз в том, что среди сороки человек, собирающихся боями, крыщей его дреевого дома, есть человек, знающий и познавший бояне, член любой из них. Не будет в доме такой головы — дому конец. Двор, по убеждению Луки Лукича, силен до того, что пока земля не раздроблена и все работают сообща, пока урожай хлебает в один амбар, скот стоит в одном хлеву, топится одна печь, ши хлебат из одного котла. Разделится двор — вместо одного сельского будет пять малосельских.

— Ниших плодить? — спрашивал Лука Лукич. — Не затем мисе господья да силу и соображение. Разделу не бывать!

Разговоры о разделе возбуждали в Луке Лукич приступы необыкновенной ярости.

— Орда онкиана! — гремел он в такие часы. — Народил я вас на свою ногибель! Я и вах дух повышаться не буду, откуш думать о дележе. Пока жин, дележу, — кричал он, потирая груди.

Лука Лукич бушевал до того счищено, что казалось: вот он сейчас поднимет вспаханные плечами притолоку и, подобно библейскому Самсону, обрушит стены и крышу своего дреевого дома.

Визжали бабы, орали пракиши, винхи жалили поближе к дверям, что-шептал чаклык, хварый Иван — ярость Луки Лукича от этого разжигалась еще сильнее; он выходил на улицу, бежал вдоль портды; люди споронились его, скрывались во дворах дети, шарахались от стоянки скотины.

Лука Лукич ходил на кладбище или в поле и бродил по пашням и лощинам — огромный, в белой развеивающейся рубахе, в широченных портах, босой, с могучими руками, жёлтым, появляясь то там, то здесь, пугающим лицом видом.

Прожив несколько дней в кладбищенской сторожке, он возвращался домой, и всё живое затихало, когда хозяин появлялся во дворе.

Осмотрев хозяйство, он звал семью обедать.

К обеду в сторожке, в старом поклоне избы: она служила кухней и месильней гостей; тут же во всём на соломенных кошёлках сидели на ящиках утки и гусины, и несколько позднее — куры; скота приносили из ямы, а также и слабеньких телят; здесь же бродили и дрались кошки — им было числа.

Здесь жил и сам Лука Лукич; и всё в этой избе было под стать хозяину: немыслимые размеров печи, покречнейшие от копоти, тёмно-коричневый потолок, огромная кровать, склончившаяся стоят из низких и покрытая серой дорогой, тяжёлый стул, лавки, сделанные из досок, толщиной в полтора вершка, губные, тяжёлые табуреты, в углу изгла ариница в два в переночерике, изображавшая здоровенного бога-отца, восседающего на престоле торпорой работы и чём-то смахивающую на Луку Лукича; таков был вид этого помешения.

Лукич первым садился за стол, сам нарезал стаканами крахмал хлеб, сам раздавал его, первым брал свою ложку, похожую на конь, первым опускал её в миски.

Он хлебал щи, стараясь не пропустить и капли на стол, подставляя для этого под ложку ломоть хлеба; сменно чавкал, строго обводя глазами семейство; если кто заговорил, вытягивал руку и бил провинившегося ложкой по лбу; беспрестанно пил воду из здоровущей глиняной кружки.

Бабы подливали да подливали похлебку в ведёрные миски, сидящие к потолку, к толстым, покрепчевшим бакланам.

Лука Лукич ел, не торопясь. Отхлебивав разрева, он откладывал ложки, разглядывая реденью бороду, откусывал хлеба, медлительно брал ложку и снова зачерпывал щи.

Потом вдруг стучал ложкой по краю миски и говорил ворчливо:

— С куском!

И тогда все начинали вываливать из щей куски мяса, которые до этого момента нельзя было трогать. Поднимались шум, возня, и дядь старился завладеть большими кусками. Лука Лукич разделил зажаренное мясо на широкий и налепо; пот изломившись, квасил мясо и вываливал содранье на край стола, где помещались малые ребристы, и добродушино похояхтывали, наблюдая драку, возникающую из-за мяса.

Он сидел в красном углу, под иконой. Рядом было место старшего его сына, Ивана. Страдающий какой-то неопытной иссушающей болезнью, Иван плохо ел: худой, бледный и немощный, он терпеливо ждал своего конца, беспрестанно молился, часто исповедовалась и причащалась.

Лука Лукич втайне не любил его. Он уважал людей, сильных волей и телом, хильных презирал, грустливых ненавидел; болезни были чужды ему: больных он просто не понимал.

Соответственно с этим он распределял среди потомства почетные места в доме. Он откровенно и решительно ненавидел внука Семёна. Семён вечно канючил, брохжал, в работе ленился, был к тому же очень плодовит, над тем чад частенько издавался.

— Настроить-то ты их настроил! — говорил Лука Лукич, — прокормить-то сумеешь ли? А насчит раздела первым орёш! Тоже нащёлка раздельщиц! Подохнешь, из семейства высокишь, дурак! — и презрительно усмехнулся.

Младший сын Ивана, весёлый, дерзкий и насыщенный Сергей, тоже не пользовался благоволением деда. На него пал жребий солдатчины: Равнодушный к дому и его интересам, Сергей с нетерпением ждал,

когда выйдет года: надеоли ему и дед, и буйное семейство, и всё на свете.

Собственных дочерей и многочисленных дочерей Ивана Лука Лукич держал в строгости.

— Баба, ежели она от рук отобьётся, с ней сладу не будет, — говорил он.— А в нашем роду-племени того не бывало, чтобы бабы верховодили.

Так же сурово и немигловиско он обращался с зятями. Они чувствовали себя бесправными работниками в семье, но Лука Лукич не входил в их жалобы: не из зла их сюда, сами потянулись в его дом за бабами подолами — ну, живите, как того хочет глава дома.

Уважал и любил Лука Лукич внука Петью, второго сына Ивана, но любил его по-своему: с любовью, со заботой.

Петя был проще, смелее в работе и в хозяйственных делах, жаден и настырен в желании выбиться в люди. Дед женил его на Праскове Власиной; звали её из бедной семьи.

Она ничего не принесла в сторожевский дом, кроме золотых рук, а здесь они ценились дороже любого приданого. Кроме того, Прасковы привела с собой в семью Сторожевских брата Андриана Федотовича, унтера, отломавшего два погон — кримский и турецкий.

Андриан нацился с детьми, ухаживал за скотиной, плёл лапти, бегал в лавочку, а по вечерам семейство слушало его рассказы о походах. О таких стариков в народе говорят: «Есть старик — убийца бы, нет — купил бы».

Андриана и покупали не пришлось. После солдатской службы в Ульяновске отложил, не успевши отслужить, остался не у дела, ездил в город за хлебом, поспешил на лакомство там или в кабак, — из-за способности к хмельному не ухажив, от земли отстал и ни к чече другому, как только к «стариковству», годен не был. Лука Лукич взял старого унтера в дом, он мирился служивому: любил послушать, как в Крыму дело было да как Плевну брали. Иней раз сизнёдёт и попотчует водолочкой.

Со дня женитьбы Петра Лука Лукич начал величать внука Петром Ивановичем, как бы отмечая этим важный рубеж в жизни человека. Называя внука по имени-отчеству, Лука Лукич подчёркивал тем самым свое уважение к его способностям. Пётр стал его правой рукой; вопреки правилам старшинства дед ему доверял все хозяйство.

Всёкий на месте Петра был бы счастлив. Всёкий, но не Пётр.

Никто ещё не знал его замыслов, никому и в голову не приходило, как старательно и последовательно подтачивал он основы семьи и распытывал могущество дела.

Ему стало тесно жить. Он уже не мог выносить власти над собой: он стоял от своего ноги на земле, как много могут сделать его по-объязненному данинне, невероятной силы руки, как много и дельно может сообразить острой, личиной уму.

Вот он молчал, чинно сидит за общим столом, а внутри у него всё клокочет. Эта жизнь, скованная властью деда, отострела Петру. Ему нужен свой дом, свою волю, свою землю — больше, больше земли.

Праскове величала настыём на тяжёлой жизни в честь линии поднавала масла в огне. Это была белоблая, рижеватая, деревянная баба, глаза её глядели дукаово, на слова она была дерька, в работе быстра, пляскла, как вихрь, — о таких в народе говорят: «Это, братец мой, не баба, а размой-баб». Она скромно сидела за столом, подкав губы, и едва дотрагивалась из приличия до еды. Всё ей здесь было противно: и этот брата Семёна, и сварливая жена Семёна, оспаривающая у большущих власть, и Сергей, очарованно чужой в доме, и хлоедущая большущая, и чахнущий Иван. Лука Лукича она боялась, всем прочим ненавидела. Волю бы ей с мужем! Ему ум, жадность да скопость, споры да расчёт, ей золотые руки, — как бы хозяйство занять!

И точила, точила Петра...

А Пётр и без того только о том и думал: вываться бы из-под властей деда! Он знал, что у старика водятся залёженные денежки, преходят винно... Вырвать бы их, — боясь, моя, вену бы из округу укупи, вся бы улусковскую землю на себе взяла!

И шли в доме невидимая война, и близился уже час, когда должно было рухнуть единство семейства. Лука Лукич, силен и волев, силен, — вспыхивал, бел сильнее стегал его кнут, всё силеннее становились, распрыскивали с бунтарями.

Линии ребятишки, занимавшие край стола, помирали, рождались новые, рождались часто, и были они все на одно лицо: Лука Лукич пугал их и звал подряд Машками-Ивашками.

— Эй вы, Машки-Ивашки! — орал он, когда орда ребят слишком шумела. — Вот я вас, гадач! — и раздавал щечки, от которых у ребят мутлилось в голове.

Всю свою любовь и нежность Лука Лукич отдавал младшему своему — Флегонту. Весь в отца, тяжёлый, громоздкий, Флегонт тем не менее был как-то незаметен в семье. Он был бледен, красне той великокорсской мукомелиновой красноты, которая неизменно «сияла» мускулам со сиянием сильной духа и в беспредельной доброты.

В уголках его лица отражались и благодущие, и энергия, ожидающая своего применения, и некоторые робости, а глаза — смотрели прямо и смело.

Весь день Флегонт возился во дворе, замазывая в хлевах дыры, чинил крыши, пляска, строгал, приколачивал, мурлыка под нос песенку.

Лука Лукич бродил по пашням и лощинам, пугая людей своим диким видом...

Песни он любил до страсти.

Часто уходил Флегонт в поле или к Лебяжьему озеру, садился на вершину курчавки, и смотря прямо перед собой, ничего не видя и не замечая, слышил из его голос подобен могучему вешиению поток.

Люди, работавшие поблизости, разговаривали спины, прикладывали к глазам ладони.

— Флегонт поёт,— говорили со сладостной улыбкой бабы, а девки бежали к кургану и, спрятавшись в прибрежных кустах, слушали его.

Но стоило кому-нибудь из них показаться, Флегонт замолкал и, застенчиво ульбаясь, выходил прочь.

— Спой, спой, Флегонт, сладенький! — кричали девки вслед, а он шёл, не отгадываясь. Тогда паствуши Илюзия Чоба не смущал Флегонта. В подземье пригонял Чоба коров на водопой, подойдёт к поющему Флегонту, и тот, обернувшись, обопрется о пояс и слушает — час, два, пока Флегонту не надоеет петь.

Сладенький! — кричали девки. — Ох, сладенький!

— Ты бы на улицу пошёл, — скажет ни раз Лука Лукич сыну. — Попадёшь бы, с девками пожурали, невесту бы подыскал.

Флегонт взглянет на отца, добрая, застенчивая улыбка освещит его лицо.

— Да на их! — машёт рукой и снова уходит во двор: строгать, пытать, приколачивать.

Когда Флегонту вышли года, он стал работать подручным у мазара; испортил макеты, номера, заноши, и Флегонт заменил его. Работал ли Флегонт в боянске Днепровской конине или в нахальковском богатыре — неизвестно, но спрашивал свою ляда однажды добро: «Ты это ровное отношение ко всем Флегонту снискала необыкновенную любовь; в каждом селе есть такой весёлый любимец».

Сердце Флегонта лежало к красоте, и эту бесконечную потребность в чём-то несном, но прекрасном онкладывал в свой ремесло. Развеёт он, бывало, краски, возьмёт кисть и запойт... И сколько бы он ни работал, песни не смолкали, и все, кто жил по соседству, приходили слушать его.

Девки и вдовы бабы увиливались около Флегонта, ласкались, набивались на любовь, а он как бы и не замечал их.

Одна молодая вдова искала от страсти к парню, и что только не делала, чтобы затянуть его к себе,— избегала раз пять в году! Сомнительные эти действия неизвестны самому Флегонту, да и думать об этом в Флегонте летом отпадает: съекта маскою и тако: «Ну, леги ты, дуракина! — и уйдёт, а там бежит к нему, руки смуз-целует, клянётся, что сей же час в озеро бросится.

— Аюсь... —ласково отвечал Флегонт, — там нынче мелко!

Иногда Флегонт появлялся около волостного правления, где по вечерам собирались парни и девки. Часами он слушал гармонь, думая о чём-то постороннем.

Однажды он взял у гармониста гармонь да так сыграл, что все ахнули. С того дня колоды стали собираться не только молодые, но и старники; даже Лука Лукич приходил послушать смысла. Флегонт играл и

пел, а глаза его были задумчивы, как всегда. Потом заметит толпу, отдаст гармонь и уйдёт.

В семье он был какой-то одинокий. Ссоры и скандалы мало волновали его, он редко вмешивался в них. Но когда какой-нибудь из зятьёв начнёт, бывало, по пьяному делу ругать Луку Лукича, прожинить старую руку и убежать в амбар.

— Проснись, проснись, чадушка! — говорила она в таких случаях.

Одни из молодых зятьёв полез однажды на него с кулаками. Флегонт легкою покойю поднял плечо, зять упал. Поднявшись, он сразу стал задирать парни. Тогда Флегонт, всё так же в полысии, сунул зять кулаком под честь, тот сжался замершего, — насладу откачали!

Пётр втайне бешено ненавидел Флегонта, стоявшего на его пути к благословию: умира Лука Лукич, всё хозяйство перешло к Флегонту. На отца, Ивана Лукичу, у Петра надежды не было: вот-вот богу душа отдаст.

Своих чувств к дяде Пётр, конечно, не показывал, но Флегонту они болели. Задачу свою, жадность к земле и к деньгам, за沃尔ы ухватил Флегонт не из честолюбия Петра, он его презирал.

Сам он к боятству был равнодушен и никогда не думал о том, что будет в доме после смерти главы семьи, да и не представляла себе, что отец может скоро помереть.

— Наш род слогательный, — твердили он отцу, когда Лука Лукич заводил разговор о смерти. — Ты ещё, батенька, поживиши. Нашей породе конца не будет!

— Да, моих ты крошек, смылок, — хлопая смы-богатыря по плечу, говорил Лука Лукич. — Кременские мы: ни песто нас, ни крестом! На отца Флегонт имел необыкновенное влияние. Стоял Луке Лукичу разбойник, крадущий сено, — и Лука Лукич, клац огромные руки и могучую отцовскую племя, говорил: «Ну, батя! Чего ты растроенился? Да и я!» — и Лука Лукич тотчас оставил.

— Кабы не этот пыз заступник, я бы уж вам, подле племя! — бурчал Лука Лукич.

И любил Лука Лукич, крепко любил младшего своего сына за мальчишливость, неторопливость, за светлую улыбку, за прозрачной чистоты душу: надышавшую не мог на Флегонта.

В семье Флегонт дружил только с племянником Сергеем, которому также чужали были страсти, кипевшие в сторожевской избе, вечные разговоры о земле, о краеведении, о некваках, о линии ртутей, которые требуют хлеба... Малоизвестно давал Флегонту небольшой зарыбок; весь он щёл в хлебах. Флегонт не знал, что такое хлеба, и не знал, что такое хлебов семы на него. Смутная мысль о том, что он лишний рот, что пребываение его в семье становится тягостью для неё, всё чаще и чаще овладевала Флегонтом, и всё чаще и чаще он думал о том, чтобы уйти на заработка в город: пример многих сельских парней, для которых в селе, задавленном земельной нуждой, не находились работы, заразили и его... И он учёл, бы искать счастья и хлеба на стороне, если бы не событие, случившееся в 1892 году: осенью того года отец его был избран по-лонским старшиной. Флегонт должен был заменить его в поле и в доме.

Евг. ЕВТУШЕНКО

ЗДЕСЬ БУДЕТ КАНАЛ

Нигде
ни травинки,
ни лепестка.
Зноем
воздух
сжат.
Горбами барханов
волны песка
на сотни вёрст лежат.
Не будет
пустыни
солацем сыта!
И в этой сухой тоске
она возникла,
мечта с садах;
миражем
на жёлтом песке.
Про это
я столько
слыхала
слов,
не раз я, наверно, прочту,
как реки,
беря начало из снов.
впадали
в людскую мечту!
— Здесь будет канал! —
сказал народ
и сборы в дорогу
недолги —

по трассе канала
проходят вперёд
топографы,
гидрогеологи.
Где бы работы они
песня —
спутница дел.
Встал
наведённый вдали
зорко пески огаяда.
Скошко
в жизни твой
будет ещë,
пустыни!
Рассказывал мне
об этом
Голос его
был полон тепла.
Он раскуривал трубку с узорной резьбой.
Показал он:
— Вот здесь когда-то текла
голубая река Узбой...
Но хочешь пить —
за это
на них

работай,
измерялась
каждая
капля
воды
ручьями
рабочего пота!
Была сила
богачей правота
законам всем вопреки.
И в землю
от рабства
непокорной
реки!
О том,
что она вернётся в пески,
мечты наш народ вынашивали,
и стали Вожди,
как свои,
близки
мысли народа нашего.
Я верю: здесь расцветут цветы,
сады наполнятся светом.
Ведь об этом мечтали
и я
и ты, —
значит,
думает Сталин
об этом!

Вниз по Днепру

Фото А. Гостева

Причал в Каховке.

У пассажиров, садящихся в Запорожье на пароход, идущий вниз по Днепру, можно не спрашивать, куда они держат путь, — ответ на вопросик будет один: «В Каховку!»

Впрочем, то же самое отвечает пассажиры и на другие пристанции Киева до Херсона.

Каховка, небольшой приднепровский город, районный центр Херсонской области, с начала пятидесятих в этом году стал центром притяжения для сотен и тысяч людей, различных по возрасту и профессии.

Движение огромных масс людей в эти места — в низовья Днепра, на юг Украины — наблюдалось и полвека назад. Но что это было за движение? Оно было называно крайним обнищанием крестьянства, брошенного своим исконичными земельными наделами и устремлявшегося на поиски заработка в помещичьи имения и кудакинские хозяйства Юга.

В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» отмечал: «В Таврической губернии особенно выдается рабочий рынок в местечке Каховке, где прежде собирались до 40 000 рабочих». Ленин приводил свидетельства современников о том, что $\frac{1}{10}$ этих людей, вынужденных идти в кабалу в разгар полевых работ, не имел средств на покупку железнодорожных билетов, «бредут за сотни, тысячи верст вдоль пологих железных дорог и берегов судоходных рек, луксуют красавицами картинами быстро летящих поездов и плавно плывущих пароходов», а около $\frac{1}{10}$ рабочих едут на «дубах» — грубо сколоченных из досок лодках, имеющими пять—восемь человек, — и «еще проходит и года без того, чтобы один, два, а то и больше переполненных дуба не пошли ко дну с их пасажирами...»

...И вот вышел из порта Ленина в Запорожье и плывёт белым лебедем по озеру Ленина комфортабельный пароход «Фридрих Энгельс». На

борту его сотни три пассажиров. Есть среди них пожилые, многие едут с детьми, с бабушками, обремененные громоздким домашним скарбом. Но преобладают люди комсомольского возраста. Держатся они кучко, и со стороны может показаться, что это колхозники одного села, рабочие одного завода, студенты одного вуза. А спросите любого из них, и окажется, что они встретились и познакомились только в пути, что они из Львовских колхозников, и молодые специалисты из Киева, и харьковские рабочие. Ни дела у всех один: Каховка. И хули не объясняет их.

Группа молодежи столпилась в салоне на палубе, за которой виднелася кораблазная дверца и аккомпанемент стихийно сложившемуся самодельному хора юных пассажиров будущих строителей Каховского гидроузла. Уже много песен перепето ими — и о Каховке, и о Днепре, и о гармонисте, который не даёт спать девушкам по ночам, — а конца ещё не видно. Тут же над шахматной доской склонились две взъерошенные головы, и за подиумом следят окружавшие их «болельщицы». Не станем им мешать, пойдём на палубу.

Вот где особенно весело и людно! День ясный, тёплый, тихий. Озеро Ленина, как именуют безбрежный водоток в верхнем бьефе плотины ДнепроГЭСа, искрится, переливается на солнце. Половодье!

...Пароход отвалил к берегу и вошёл в плюз. Стальные ворота распахнулись перед ним и тотчас закрылись, он стоял. Воды в плюзе не было, на верхнюю палубу. С ней были видны все здания днепровского гиганта. Несколько стальных щитов между устоями плотины были подняты, чтобы сбросить избыточную паводковую воду, и толпы воды стремительно свирепели с пятисотметровой высоты, пронзали до самого дна кианций омут.

Над местом падения каскадов стоит, как дым, водяная пыль, возникают арки радуг, и в их озарении возвышается над рекой у правого края плотины красногранитный замок — здание гидроэлектростанции, и далее, уже на берегу, — многочисленные заводы ДнепроГЭСа, Дворец культуры, жилые дома, школы, магазины. Ажурные металлические фермы высоковольтных линий идут от сюда во все стороны, шагая куда-то далеко за линию горизонта, неся свет в деревни и села, в шахты заводов, в колхозы Украины. Одни из этих заводов — Каховский — смелись, прямо через реку на остров Хортицу. Там — поля, лаборатории и предприятия филиала Всесоюзного научно-исследовательского института электрификации сельского хозяйства.

Проезжая вдоль острова, знаменитого некогда тем, что на нём раскрадывала свои шумные шатры казачьи воинства, Запорожская сечь, мы видим, как по просторам четырёх хортицких колхозов идут электротракторы. Они работают совсем беззвучно. И вообще тут, за Хортицей, тихо, Днепр, ревущий у плотины ДнепроГЭСа, успокаился, вошёл в свои зловещие берега...

Будущие строители пришли. Мы идём к Каховке. Там им предстоит своя, еще неизысканными руками воздвигнуть примерно то же, что мы видели на Днепре у Запорожья.

...В пасажирском зале пристани Каховка полно народа. Пароход приходит рано, и приезжающие выживают, когда настанет рабочее время, чтобы занять места. В нём нечестивые мебельят нет буфета. Одну из его стен занимает большая полотно. Мастер юношеский-любитель нарисовал Каховку после немецкой оккупации. Пассажиры с любопытством разглядывают эту картину: пристань с одианом причалом-баржей, пустынnyй берег над пристанью, редкие дома на берегу. Здания, что побольше размерами, стоят без окон и крыши. Это следы разрушений, причинённых городу гитлеровцами. Увидел ли пассажиры созерцающий картины недоверчиво: не может быть, чтобы Каховка осталась такой до седьмого приема!

Они своими глазами видели, причаливая к берегу, оживление в порту, освещенное под тяжестью грузов баржи, плывущие краны, разгуливющие их, снующие на реке бускиры и катера. Дежурный по вокзалу подтверждает их догадки.

— Каховка высоко поднимается! — говорит он. — Строительство!

И верно: Каховка — стоит взойти по ступеням гранитной лестницы — производят впечатление города, который захватил весь блеск армии строителей — каменщиками, плотниками, штукатурами, малярями, реншинами с коду обновить его целиком, поднять на этаж — другой выше, ликвидировать все пустыри, побелить, оселенить, замости...

Большинство управлений ДнепроГЭСа, которому правительство поручило строить Каховскую гидростанцию, перебралось сюда в марте и апреле.

Временно они разместились в восстановленных ими же зданиях. Но коллектива днепростроевцев растёт не по дням, а буквально по часам. Люди прибывают сюда со всех концов Союза — надолго, с семьями. Им нужны во всё возрастающих масштабах и жилища, и клубы, и школы, и

магазины, и лечебные учреждения. И вот они создают всё в городе, в котором разместился штаб новостройки.

Одновременно в двадцати километрах к югу от Каховки, в районе селения Ключевого, на живописном левом берегу Днепра возникает посёлок из стандартных сборных домов, развитие которого ведётся в соответствии с планами: бетонного завода, растворного завода, тепловой электростанции, различных мастерских и складов, речных причалов и автомобильных дорог. Они призваны работать на стройку, которая будет предельно механизирована.

Ключевской расположился в самом центре строительства гидроузла, в створе плотины. Тут же сейчас закладывается город, которому ещё нет имени. Пройдёт время, его заселят рабочие, инженеры и служащие новой гидростанции, шлюза, судоходного канала, гигантского — в 14 миллиардов кубометров — водохранилища, которое уже сейчас строители называют «Каховским морем», врачи и учителя, партийные и советские работники, библиотекари и артисты... — ибо это будет большой благоустроенный город, с театрами и стадионом, с парком культуры и отдыха со всеми удобствами социалистического города. Пока же бригада Красной армии подготовила землю, и пробег Сергея перед самым Первомаем положил первый кирпич в фундамент первого дома нового города...

Ключевской строительный участок управления подобных сооружений занимает огромную территорию в несколько десятков квадратных километров. На нём ещё почти не видно настоящих механизмов — они только начинают поступать на площадку. Мало как будто бы и людей. Но вот мы проехали от Малой Каховки по песчаной дороге через виноградники Ключевского совхоза имени Булгакова, видели сложенные вдоль неё штабелями детали сборных домов, а возвращаясь в Каховку через несколько часов, обнаружили на том же самом пути удивительные перемены: тысячи сборных деталей лежали на горизонтальном вертикальное положение, над одним из домов возвышалось точно по макету величественное здание, уже возводившееся по самому трудному участку пути холм бульдозер, ссыпая драгоценную, прокладывая новую трассу на твёрдом грунте.

Строители задались целью ежедневно собирать по два одноквартирных стандартных дома и каждые двадцать дней возводить и сдавать в эксплуатацию трёхэтажный дом кирпичной кладки. Они переходят на поточную-скоростной метод, разрабатываемый старшими мастерами-днепростроевцами в творческом содружестве с учёными Киева и Харькова.

Естественно, что прибывающие на стройку новички имеют весьма смутное представление об этом методе, да и вообще-то многие из них впервые выступают в роли строителей. Им ещё надо учиться. И, надо сказать, сами они прекрасно исполнены желания стать квалифицированными рабочими. Ни строительство в ближайшее время будет создан для новых рабочих учебный комбинат. Но пока его нет, учителями молодых каменщиков становятся днепростроевцы.

Я познакомился с одним из них. Это бригадир каменщики Иван Андреевич Рязанов. Его бригада строит в Каховке здание средней школы. В бригаде 24 человека. Внимательный к людям, непрестанно совершенствующий свои приёмы работы, Рязанов оказался и опытным педагогом и хорошим организатором. Новички — члены его бригады Иван Томашович, Алексей Грибасов, Иван Уланов, Сергей Мордвинов — уже на этой стройке сами стали стахановцами и ежемесечно выполняют нормы, а то и больше.

Иван Рязанов начал работать каменщиком в 1929 году на Днепрострое. С тех пор он поработал в многих других стройках сталинских пятилеток — в Донбассе, в Никополе — и вот снова пришёл на Днепр. Знанный каменщик обучает не только свою бригаду. Он проводит беседы о своём опыте в красных уголках среди рабочих других коллектиvos Каховского строительства. Не так давно он выступил с лекцией перед аудиторией в 450 человек на одном из стахановских «четвертков», которые систематически проводятся в Каховке по инициативе партийной организации.

На пустынном месте вырастает посёлок для строителей Каховской ГЭС.

Бригадир молодёжной бригады штукатуров Мария Полевая.

Эти «четвертков» сразу же завоевали огромную популярность среди каховцев. И мы не ошибёмся, если скажем, что этому успеху в младёжном в своей основе коллективе строителей немало способствовало выступление комсомолки Марии Пархоменко. Восемнадцатилетняя девушка, штукатур по специальности, пленяла всех виртуозностью своих приёмов работы, которые она тут же и продемонстрировала, сопроводив их интересным рассказом о своём не совсем обычном пути.

Мария родилась в семье колхозника села Семёново, Полоцкого района на Запорожье. В 1946 году она окончила ФЗО и решила пойти на Днепрострой. Спустя какое-то время в колонии-принципиально со строительством производственных и общественных зданий Мария стала стахановкой, бригадиром, членом постройки, затем ЦК профсоюза работников электростанций. Тут родительское сердце Романа Пархоменко не выдержало. Старый колхозник поехал в Запорожье, чтобы лично убедиться, так ли все ладно, как пишут. Он нашёл Марию на строительных лесах, издали молча наблюдал за её работой, и когда к нему подошёл прогаб, такой же, как и он, старик, сказал ему, теребя длинный ус:

— Це моя дочка. Це ж мой характер!..

На Каховке Мария Пархоменко явилась инициатором социалистического соревнования работников Управления гражданского строительства Одесской области, первым отрядом строителей и схватила их. И надо сказать, что из трёхсот комсомольцев, прибывших сейчас на Каховку, нет ни одного, который остался бы вне этого соревнования. Пример Марии Пархоменко, сознание государственной важности дела, которое они призваны начать и закончить, вдохновляет их. Молодой коллектив строителей Каховского гидроузла видят перед собой великую цель, поставленную правительством, партией, Сталевым: преобразить край, дать 250 тысяч киловатт энергии сельскому хозяйству и промышленности южных районов Украины и Северного Крыма, остановить нижнеднепровские пески, дать воду для орошения и обводнить 3 миллиона 200 тысяч гектаров засушливых степей Юга.

П. БЕЛЯВСКИЙ

Иван ОЗЕРОВ

У монумента героя

...Расстреляны последние патроны,
Метнулся ветерок, золой пыла.
Казалось нам,
От бомбового грома
Оглохло все: и небо и земля.

Но утра свет здесь снова чист
и ласков.

Встал воин
на высокий пьедестал.
Алеет кровь на головной повязке.
Но он не бросит своего поста.

Он город свой оглядывает зарко.
Отбито восемь вражеских атак...
На вылитой из бронзы

гимнастёрке
Сияет солнцем комсомольский знак.

Мы с песней тут — его однополчане —
Торонимся к строительным лесам,
А он хранит глубокомолчание,
Прислушиваясь к нашим голосам.

г. Иваново.

Сергей ТКАЧЕВ

Годубы

На плаче у девочки куриносӣ
Белый голубь тихо ворковал,
Крошки хлеба и круники проса
Он с ладони у неё клевал.

— Милый голубь, — девочка сказала,
Подняла его над головой,
И в глазах у девочки сияло
Но голубиной чистотой.

Я запомнила девочку и птицу,
И сейчас они в моих глазах:
Годубы в весёлой ученицы.
Словно мир, в забытых руках.

г. Ставрополь.

Глеб ПАГИРЕВ

В сенокос

Как в прославленный Будённовский колхоз
Этим летом в тихий, соленечный денёк
Из районной МТС на сенокос
К нам приехал на косилке паренёк.

Как увидела я парня на аугу:
До чего же парень ладен и хорош!
Не глядеть бы на него, да не могу.
А посмотрела — вовсе глаз не отведёшь.

Он косил неподалёку от меня,
Отирая пот, пробиравшийся на лбу.
Здесь хватило бы работы на три дня.
А приезжий кончил к вечеру косьбы.

Он простиася с нами около берёз.
Крикнул издалека: «Товарищи, привет!»
Ждите в будущем году на сенокос! —
И уехал в Первомайской сельсовет.

Я стояла на пригорке дотемна,
Всё смотрела парня вслед из-под руки.
По округе разливались тишина,
На деревне засвистелись огоньки.

Было грустно, было радостно до слёз,
От волнения кружилась голова.
Вот бы завтра да опять бы сенокос,
Вот бы за ночь снова выросла трава!

г. Ленинград.

Люди и песни

(Из записной книжки)

Когда он начал говорить о песне, его большие голубые глаза вспыхивали восторгом:

— Вы послушайте, послушайте только! Да разве можно найти на свете что-нибудь прекраснее простой русской песни? В песне скрывается характер народа, вся его душа...

Он бережно доставал с полки очередную коробку с восковыми валиками:

— Вот послушайте старинную народную песню «Синий кувшин».

— Эх, спасибо, зах для вот спасибо, ну. Музыку синий кувшин, эх, расточил бы, разогнал бы, все тоску мою излучину, все излучину...

Мы долго оба молчали, зачарованные простой, хвалящей за сердце мелодией. В старину больше печальные песни...

Было уже поздно, в открытом окне не шелохнувшись, стояли, будто вслушивались в песню, задумчивые деревья, над ними тихо светили звезды. Вокруг лампы кружились ночные бабочки.

Я был счастлив, что подружился с этим человеком. Он помог мне вспомнить в русской песне, ещё больше полюбить её.

На свою скромные сбраживания он прибрёл флейту и, отпустив её по деревням, записывая русские народные песни, былинки, сказания. Он был по-конончиковски влюблён в песню и своим энтузиазмом заражал окружающих, заставляя их помогать тому делу, той светлой мечте, которой он посвятил всю свою жизнь.

Митрофан Ефимович Пятницкий рассказал о знаменитой исполнительности русских песен, простой воронежской крестьянке Ариуне Колобовской, что от каждого юношиющего порога, краине восточных валиков фотографии изначаются, он всё же дал послушать редчайшие записи песен в их исполнении — и это же бес алтайской корысти, влюблённо, от чистого сердца.

Как выразительно и задушевно передают Колобовы правду человеческих переживаний, с какой глубиной и быстрымускостью!

Пятницкий поделился своими воспоминаниями о встрече с Лениным:

Владимир Илья любил русскую песню. Он приступал на концерте нашего хора в Кремль. Потом пригласил меня на квартиру. Похвалил нашу работу, Ленин указал на большое значение и важность пропаганды народного творчества. Эта встреча навсегда останется самыи дорогим нашим воспоминанием...

Однажды Владимира Ильича воодушевило Пятницкого, окрылило его. До конца своих дней он не переставал собирать и записывать

всё русские песни. Он горячо мечтал о создании новых, советских песен.

Много раз приходилось мне встречаться с Митрофаном Ефимовичем, бывать у него в гостях, на репетициях и выступлениях хора, сопровождать на прогулках. Из всех встреч мне особенно запомнилась...

Как-то вечером мы сидели на берегу реки и разговаривали о русском народе-песеннике, о созданных им песнях, задушевных и широких, как наше русское предки. Сияя шляпа, Пятницкий метчательно вслушивался в ночь.

— По песне любого человека узнать можно. Послушайте-ка! — и он повернул свою белокинскую голову к реке, усыпанной звёздами, и спросил: «Справа от нас в реке плывла лодка. Два сильных девичьих голоса, подхватывая друг друга, пели «Калинушку». Не сопровождены никаким инструментом, голоса звучали в ночном воздухе чисто и свободно.

— Иши, прямо в подибесье взлетают! — восхищенно заметил Пятницкий. — Сразу слышно, что у человека на сердце радость. Песни, как листья на дереве: хорошая земля, крепкое дерево — и листья весело шумят, злая земля, скучная — и дерево сохнет... Много

хороших песен на свете, но у каждого человека обязательно есть одна, самая земная, самая скучная, задумчивая. И вот она-то. Это песня, наиболее любопытная. Этим всегда человек узнаётся!

Много лет прошло с той ночи, но разговор с прославленным со-братием русских песен глубоко запал в душу, и с того поры, я встречался с разными людьми и помнил завет Пятницкого, я всегда старался узнать: какая же у этого человека самая любимая, самая земная песня и с чем она связана в его жизни? А встречи были не редкостью.

Эти коротенькие рассказы, отрывки из разговоров и задушевных бесед и даже отдельные мысли и высказывания о музыке и песне я бегло заносил в записную книжку. В этих рассказах нет ничего выдуманного: я записывал их, как слышал. И вот некоторые из них...

2

— Песня в жизни Якова Михайловича Свердлова занимала большое место, — рассказывает его жена Клавдия Тимофеевна. — Пес-

и всегда выражала его глубокую любовь к жизни. Особенно часто обращалась он к письмам в смыкке.

Много времени арестовывала Якова Михайловича, выселяя его из дальней края. В 1913 году вместе с товарищем Стalinым Свердлов был сослан на пять лет в Туруханский край.

Место для поселения было выбрано обдуманно. Непроходимая тайга и тундра, шестидесятиградусные морозы, выноги и сугробы. Несколько месяцев длилась погоня. Только на два — три часа в сутки можно было гасить огонь. Единственный источник света — Енисей летом — водой, а зимой — по льду.

Партийное правительство делало всё, чтобы оттаивали жизнь И. В. Стalinу и Я. М. Свердову в смыкке. Их отправили на далёкий стажок Куриеку, расположенный за Полярным кругом. Каждому был прикомандирован особый стражник.

Из Куриека Свердов был переведён сначала в Селиванку, потом в село Монастырское. Сюда часто приезжали новые скрытые и привозили подробные сведения о том, что происходит в крупных рабочих центрах. Летом и с сыном и двухлетней дочерью приехала к Якову Михайловичу.

У них была большая квартира — метрологическая станция, и стало очевидно, что все новые прибывающие скрытые, пока не накоцдили подпольщиками квартиры, жили у нас. Вечерами они собирались к нам, шли на огонёк, отдохнули, поделиться новостями. Якову Михайловичу, как исключительно общительному человеку, было свободно собирать около себя людей. В его квартире серебряные беседы чередовались с шумными товарищескими веселами. Стоило появиться двум — трёмющим товарищам, и в течение недели не было спокойной ночи.

Особенно любил он «Барашинку» и песню «Славное море, сиявший Байкал». Яков Михайлович был всегда залевалой и слушал попеть никогда не пропускал. Когда позволяла погода, ходили компанией в лес, ловились лягушками и переливались северного сияния. Пели хором о русской зимушке-зиме. Кончалась прогулка, а Яков Михайлович не давал товарищам расходиться:

— Теперь идём к гоняне, — приглашал он к себе.

И здесь снова звучали песни. Ходили вдвоем, не спеша, в такие вечера, когда ни спорили, ни работали. Гости расходились, а Свердов садился за свой письменный стол и по своему обыкновению работал до глубокой ночи...

3

У Чкалова синие глаза. Он не многословен, разговаривает баском, волжским говором. На неизвестных он производит впечатле-

ние неповоротливого, флегматичного человека, но это впечатление обманчиво: достаточно было раз поговорить с ним, чтобы открыть тонкого, наблюдательного и умного собеседника, с широким мышлением.

Валерий Чкалович общался не только с лётчиками: он встречался с политическими деятелями, писателями, композиторами, художниками, артистами, музыкантами. Со многими из них он поддерживал личную дружбу.

Однажды группа друзей встретилась с Валерием Чкаловичем в Доме актёра. В тот вечер он по-особенному был там и задумчив. После ужина Чкалов неожиданно предложил всем сидящим за столом поехать к нему на дачу в Серебряный бор:

— Посидим, музыку послушаем...

Пройдя одноэтажный деревянный домик, сняли с отёл под соснами. По выходным дням Валерий Чкалович обычно приезжал сюда и всегда возился на огороде с лопатой...

Столая, теплая синяя ночь. В темноте смутно угадывались стволы высоких сосен.

Чкалов вынес на веранду телефон. Окна соседних дач были темны. Кругом стояла торжественная тишина...

— Хороша почка! Валерий Чкалович поставил пластику.

— Чайковский, — сказал он с уважением, — послушайте-ка!

Бесшумно закружился сверкающий диск, и нежные звуки вальса из «Лебединого озера» тихо вошли в ночь. Чкалов сидел в кресле и задумчиво смотрел на далёкие звезды. О чём думал он? Может быть, эта музыка напомнила ему путь, над снежной безмолвной пустыней, может быть, он вспомнил своё детство, когда вечерами сидел с ребятами на изыском берегу Волги и вот так же смотрел на звёзды и мечтал о съём будущем.

Чкалов непропозиционно вывалился в воздухе рукой медленно вальс, будто рисовал её в пространстве или дирижировал оркестром.

Уже наступал бледно-зелёный рассвет, гасли звёзды, а Валерий Чкаловых без конца повторял любимую пластинку. От горя что было слушать её, кажется, сутки подряд.

Гости разъехались по домам перед утром. Чкалов остался на две один. Взяв ведро, он взрвался, чтобы помыть лицо, купаться: утром — любят обливаться холодной водой.

...Со Сочи стоят чудесная солнечная погода. Нежнейшая полоса серебристого моря, как занавес, перекрывает окно комнаты.

За столом шумно и весело. Чкалов завтракает молча: третьего дня он потерял голос и теперь к телефону не подходит. Но в то

утро произошло такое событие, что к нему на время даже вернулся голос. В разгар завтрака Валерия Чкалова вызвали к телефону. Он вышел в переднюю и начал что-то кричать своим простуженным басом. Повесив трубку, он сообщила новость:

Торжества Сталина ждёт нас с супругой! Ровно в шестнадцать часов...

...Вернувшись они поздно. Все возбуждены. Байдуковы делится впечатлениями:

— Возле дачи нас встретили Иосиф Виссарионович и товарищ Жданов. Мы пошли по саду. Товарищ Сталин интересовался условиями нашего отдыха, вглядываясь в нас. Саду он знал каждое дерево, каждый кустик. Потом нас пригласили в дом. За обедом все держались непринуждённо и легко. У нас времена чувствовал себя необыкновенно легко, как на большом весёлом празднике.

После обеда завели патефон. Иосиф Виссарионович выбрал пластинку с хорошей волжской песней. Поставив её, он сам стал подпевать, а мы хором грянули припев. Чкарову, как волжанину, было приятно, что пели о Волге, о его родной реке. Товарищ Сталин знал много песен. Открыты настежь двери, веранды, он продолжал выбирать новые пластинки и развлекать нас русскими и грузинскими песнями. А мы хором подпевали. Долго, пожалуй, пели бы мы, да пора уже была собираться домой...

— Какие же песни вы пели?

— Разные. «Уж ты сад, ты мой сад», «Стонет сизый голубочек» и другие. Много...

Байдуковы ждут конца. Байдуков закрывает и начинает раздавать слова: пора спать.

Пока свежи впечатления, спешу занести их в книжку. Уже светает...

4

Людмила Владимировна, сестра Маяковского, стоит на балконе третьего этажа и показывает, как удобной прыгнуть в квартиру провод микрофона. Сестрица Александра Алексеевна, мать поэта, будет выступать по радио.

Поднимаемся по лестнице и входим в тихую квартиру, куда так часто люблю заходить Маяковский. Здесь, в родной семье, он отдыхал. Вот и Александра Алексеевна, маленькая, седая, приветливая, с таким, ласковым голосом, мать, вынужненная и воспитанная поэта. Её лицо сияет добротой.

По радио передаются грузинские песни, и разговор у нас непропозиционно завязывается о Грузии, о детстве Маяковского, о его отношении к песне. Операторы устанавливают микрофоны, и Александра Алексеевна рассказывает о своей молодости, о детстве сына.

— Моя молодость прошла в Грузии. Мы жили тогда в селении Багдади, — вспоминает она. — Это очень красивое место, кругом горы, в которых растёт редкое дерево Ханис-Цхара, синее цветом. Во всём селении только одна нация — грузины. Жили мы душа в душу. Мой муж, Владимир Константинович, служил лесничим. Он хорошо знал грузинский язык. Дети, Оля

и Володя, тоже говорили по-грузински.

На Кавказе, как известно, очень любят песни. Сборются за столом и поют. Муж знал много песен и русских и грузинских. Он пел в лесу, дома, на лошади.

Вот сейчас я услышала по радио грузинскую песню «Сулико» и сразу вспомнила Багдади... Вечером Шура просил Маму возвратиться с работы и пойти на ступенчатую балконку. У него на коленях Оля и Володя. Он обнял детей, и они втроём пошли по песни. Песни они знали много: «Есть на Волге утёс», «Бадзымуты», «Кажи мне такую обитель», «Сулико»...

Александра Алексеевна живёт в её чёрных глазах зажигаются искры нежности:

— У нас часто собирались гости, они всегда просили маленького Володю петь и читать стихи. А чтением он был с четырёх лет! Читал вслух Лермонтова, Пушкина, Некрасова. Гостей он не стеснялся, хотя сам был чуть помоложе столов...

Помню, держалась за платье, потому научилась читать и другую какую-нибудь книгу. Я и Яша — заметила, как вырос, — когда поступила в гимназию, перестал выпускать перед гостями. Его увлекали уже другие дела...

Песни он любил, но совершенно не выносил славашки и пошлых романсов, а песни народные — русские, грузинские, революционные — он любил и пел сам.

В дни революции 1905 года он вместе с товарищами по гимназии разучивал на грузинском языке «Варашинку», «Смелое, товарищи, в ногу» и другие революционные песни.

Многие казались, что Володя род грубым и неподобающим, а ведь он был чрезвычайно ласковый. Вот я проклину ужасную воспитательницу с лицом лет и постоянно думавшую, как у него было доброе сердце!

Он рос без отца, рано начал зарабатывать и, его воспитание лежало на мне. Я с ним всегда разговаривала ласково. Лаской он платил и мне.

Когда мы переехали в Москву, Володя было четырнадцать лет. Он уже дружил со студентами. У нас в квартире жил студент консерватории Николай Иванович Хлестиков. Володя всегда прыгал его: «Ну, Коля, спой мне «О, дайте, дайте, я вас буду...». Очень он любил это арию...

Мне вспоминаются те моменты, когда Володя уходил из дома. Он, бывало, надевал шапку и напевал: Плохой тот мальчишка должен быть, кто дома вечно хоче жить... Всё дома, дома...

Александра Алексеевна с любовью смотрит на портрет сына, где Володя сидит весёлый, улыбающийся.

— Он был хороший сын... — говорит тихо она.

Раймонда Дьен (вторая справа) и её муз Поль Дьен с французской делегацией на Красной площади в Москве.

Фото С. Косырева и А. Гличева

*Salut à la jeunesse
soviétique
Раймонд Дьен*

«Привет советской молодёжи!
Раймонда Дьен».

ФАШИЗМ НЕ ПРОЙДЕТ!

Несколько недель в Советском Союзе гостила делегация французских женщин. Среди них была и народная героиня Франции Раймонда Дьен, которая бросилась на арельсы, чтобы преградить путь поездки с американским вооружением.

В беседе с корреспондентом «Смены» Раимонда Дьен рассказала:

— Растрёг и ширится в городах и сёлах Франции борьба за мир. Французские женщины и мужчины, независимо от их политических и религиозных убеждений, единым фронтом встают на защиту своей родины, своих очагов, от наивысшей угрозы новой войны.

Семнадцать раз отказывались рабочие Руана разрушать американское вооружение. Их примеру следовали рабочие Гавра, Марселя и других городов. Народ Франции гневно протестует против ремилитаризации Германии, против нашествия американских «туристов», против пребывания в стране американских войск.

Каждого честного француза не может не оскорблять наглое поведение американцев, пытающихся поработить нашу страну. Да и даже пришедшие в Москву демократические группы американских оккупантов. На улицах, площадях, в парках и на бульварах французских городов можно видеть листовки с тезисами: «Американцы,уйрайтесь вон!» Даже стены домов испещаны подобными надписями.

Милионы французов требуют подписания Пакта Мира между пятью величайшими державами. Милионы и милионы подписываются на бумаге против возрождения фашизма внутри Франции. «Мы програлим путь де Голлю!» — говорят патриоты моей родины. — «Фашизм не пройдёт!»

Вместе со всем народом активно борется за мир, за независимость и свободу французская молодёжь.

День ото дня ухудшается жизнь юношеской и девушек Франции. Работая в тяжёлых условиях, они получают за свой труд miserabile оплату, которая далеко не обеспечивает даже самое скромное существование. Многие девушки получают полувинти заработной платы мужчин. А дорогоизна между тем непрерывно растёт. Молодые рабочие, обучаясь ремеслу, совсем не уверены в том, что сумеют найти себе работу. Не менее плачевно и положение молодых крестьян, учеников и других садовых группировок.

Счастливая советская молодёжь даже не представляет себе, сколько прелестей приходится преодолевать французским студентам в их стремлении к науке.

Чтобы поступить в высшее учебное заведение, нужны прежде всего не знания, не желание учиться, а деньги. Платить надо буквально за всё: за право быть зачисленным в список студентов, за право быть допущенным к экзаменам, и т. д. Только неизначальная часть французских студентов получает stipendii, причём размер стипендии настолько несущественный, что прожить на ней никак невозможно, если даже жить впроголодь. В современной Франции могут учиться только дети богатых.

Молодёжь сознательно права на лучшее будущее, и она энергично борется за него. Готовясь к третьему Всемирному фестивалю молодёжи и студентов в защиту мира, молодые патриоты Франции создали подготовительный комитет во всех департаментах. Французская молодёжь поплыла на коне впереди всех национальных представителей. Большой юбилейный хор из 360 человек готовит программу из 15 песен. Под руководством известного режиссёра Луи Дакна готовится специальная

постановка, посвящённая борьбе молодёжи Парижа за мир. В ней примут участие 500 человек.

В состав Национального подготовительного комитета входят многие известные общественные, политические и культурные деятели, в том числе Луи Арагон, Поль Элар, бывший министр Пьер Кот, генерал Пети и другие.

Во многих городах Франции молодые патриоты соревнуются в сборе подписей под петицией против перевооружения Германии. Лучшие сборщики подписей поедут в Берлин.

Французская молодёжь активно сопротивляется преступной политике правительства, борется против продления срока военной службы, против «грязной войны» в Вьетнаме.

Первые движения сопротивления Анри Марселя, семь месяцев просидевшего в тюрьме за то, что распространял листовки с призывом не возвращаться против народа Высшего. Освобождённый по требованию народа из заключения, он выразил волю всех честных и свободолюбивых молодых французов, заявив, что молодёжь Франции не хочет умирать ради американских империалистов.

ХРОНИКА

● В Берлине работает Подготовительный комитет фестиваля, в который входят представители Всемирной федерации демократической молодёжи, Международного союза студентов, представители национальных молодёжных организаций многих стран.

● Молодые борцы за мир в Австрии, готовясь к фестивалю, провели «Слёт 50 тысяч». В слёте приняли участие многочисленные гости. Окончание слёта ознаменовалось большим спортивным праздником на Венском стадионе. Состоились соревнования по лёгкой атлетике и велосипедным гонкам, в которых приняли участие спортсмены Австрии, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Польши. С приветственным выступлением выступил представитель Всемирной федерации демократической молодёжи, руководитель советской делегации тов Шелепин и председатель коммунистической партии Австрии Иоганн Коллеин...

● В июле в Албании состоится Национальный фестиваль, на котором будет отобрана делегация для участия в берлинском фестивале.

● Молодёжь Англии покажет в Берлине пьесу об английском юноше, убитом во время колониальной войны в Малайе.

● Димитровский союз народной молодёжи Болгарии проводит национальный фестиваль молодёжи, на котором участники будут представлять болгарскую молодёжь на фестивале в Берлине. Болгарская молодёжь направлена в Берлин кирзовыми и тапиевальными колхозами, большую группу спортсменов.

● Национальный подготовительный комитет фестиваля в Дании разослал 1000 различным местным и национальным молодёжным организациям обращение с просьбой поддержать фестиваль в Берлине.

● В состав Национального подготовительного комитета фестиваля Италии входят многие известные общественные, политические и культурные деятели, в том числе председатель Национального комитета сторонников мира Пietro Henri, председатель Союза итальянских женщин Мария Маддалена Росси, председатель Всемирной федерации профсоюзов Джузеппе ди Витторио и другие. Председателем комитета является сенатор Умберто Терранци.

● В ходе подготовки к фестивалю советская молодёжь продолжает крепить свои дружеские связи со всей молодёжью мира. Только за один последний месяц в СССР по приглашению Антифашистского комитета советской молодёжи приезжали делегации молодёжи Германской демократической республики, Западной Германии, Дании, Швеции, Финляндии, Англии.

Химкин-порт.

Акварель К. Купецко.

Л. Бродская.

Края родные.
Всесоюзная художественная выставка 1950 года.

НАЧАЛО ЖИЗНИ

На аэродроме невысокого худощавого юношу с курчавыми волосами и тёмной полоской усов провожали товарищи.

— Ну, счастья тебе! — пожелал ему Володя Гуляев.
— Помни, это твой диплом! — сказал Радик Муратов.
Они посмотрели друг на друга и крепко, по-мужски обнялись.

До встречи, друзья! — заторопился юноша.

Он покачал руки Юре Саранцеву, Ване Косым и пошёл к самолёту.

А через нескользко дней жители приморского города видели этого юношу в форме военного морника. Сидя в парке на скамейке, он журжал своего товарища:

— Что значит не заметил командира? Моряк всё должен замечать!

Старый бомбаш с какого-то корабля с любопытством остановился незадолго, оглядев осветительные приборы, расположенные вокруг, киносъёмочный аппарат и, довольно кривякнувшись, тихо сказал:

— Верные слова, сынок!

В парке шла юмка сцены из фильма «В мирных дни». Знакомые лица юноши, студент-дипломник актёрского факультета Всесоюзного государственного института кинематографии Карапан Мигледзе играл в этом фильме роль моряка Мессхиана.

Внешне он спокоен: уверенные жесты, чёткие движения. Но сцена не получается: нет теплоты в словах: «Моряк всё должен замечать!» Ведь это дружеский укор товарищу, а у Гули (так называют Карапаном товарищи) голос звучит громко и строго.

Одна репетиция, вторая...

На минуту Мигледзе задумывается. В голову приходит слова С. А. Герасимова: на съёмках фильма «Молодая гвардия» Мигледзе не находил деталей в сцене казни Игната Фомина. Он играл Жору Арутюнянца и в этой сцене должен был пропеть. Он читал его громко. Сергей Аполлонянский, единственный Герасимовский спутник,

— Не так ты дедаешь, дорогой друг. Надо читать видное типа, а вобще, что ты хочешь израсходовать на голос, израсходить на свою внутреннее состояние. А то читаешь, как выученный урок в школе.

И Гуля увидел вдруг перед собой врага, который предала девушку, сотни людей. Голос сделался металлическим, грозным и... спокойным. Сцена удалась.

Гуля вспомнил эти слова и сейчас.

Это пятый фильм, в котором играет двадцатидвухлетний актёр.

Ещё в 1939 году режиссёр Пиццианийши увидел на улице бойкого мальчишку с большими чёрными, выразительными глазами. Мальчик спешно в школу. Звал его Гуля Мигледзе. Режиссёр попросил мальчика приехать в киностудию.

Гуля взялся сниматься в кинофильме «Каджана» на роль деревенского мальчика. Это была его первая роль в кино.

В 1946 году Гуля окончил десять классов и приехал в Москву поступать на актёрский факультет Института кинематографии.

Много раз Гуля, он за время учёбы в институте после учёбы в фильме «Молодая гвардия» играл в роли Гомеладзе в пьесе Корнейчука «Фронт» и Григория Никитина в пьесе «Без вины виноваты» Островского, и учеников Жуковского в кинофильме «Жуковский», и молодого инженера Теймура в «Глубокой разведке» Кроны, и много других ролей. И всегда он стремился стать тем артистом — автором образа, о котором говорил Герасимов.

Иными были путь в институт его товарища Володи Гуляева. Он пришёл в приёмную комиссию в выгоревшей от солнца офицерской школе шинелью, на которой резко выделялись следы логотипа.

Одни за других заходили в приёмную комиссию и остальные друзья Гуля. Учиться в институт они приехали из разных концов Советского Союза: Юра Саранцев — с Дальнего Востока, татарин Радик Муратов — из Казани, Ваня Косым — из Свердловска.

В Москву их всех привело желание стать артистами. Здесь, в институте, они познакомились, а позже стали друзьями.

Иногда, когда друзья бывали вместе, затевались долгиеочные споры; спорили об актёрском мастерстве, о том, кто как понимает систему Станиславского, о поэтике, о вопросах, поднятых на семинарах по диалектическому материализму.

НА ЧАЙНЫХ ТЕРРАСАХ

Ценя Кетрчан (справа) и Беза Кесин за сбором чайного листа.

Обеденный перерыв ещё не начался, и на пустынной террасе никого не было. Ценя прошла между зелёными террасами чаев и села на кустик.

Капризное развлечение — чайный куст. Сорвать флиши на день раньше будут обедать молодые побеги с первым синеватым очередным сором; пропустив день — отрубают листы, пойдут вторые побеги. И вот уже комсомольско-молодёжное звенко Ценя ни собирало чайного листа и сидела, сопливая.

Всюду подушки и подруги.

Девушки... — сказала Ценя, — я побегу собирать чайный лист по-новому обмыми руками.

Она остановилась у широкой чаепития и приступила к работе двумя руками. Девушки, посматривая на свою зелёную, привычную, но необычную для них работу, с интересом наблюдают. Корзины сборщиц стали наполняться почти зелёной быстрой.

Подночь вечером под широкий яблоневый сомкнутый ствол белым листопадом, собрались комсомольцы. Ценя, сидя на корточках, сказала им о новом способе сбора листа. На собрание привёз Маня, представитель конторы партнёрской организации колхоза. Он предложил распространить новый способ сбора на все колхозы. Для этого Ценя должна показать свой метод работы и в других звеньях.

Ещё только занялся рассвет, а Ценя уже сидела на скамейками узко на свой участок.

Хорошо работает в ранние часы на плантации! Воздух свежий, солнце не горячее, не прохладой. За полдня Ценя собирает пять пакетов — килограммов — чайного листа, и пакеты от неё только на пять килограммов.

На другой день Ценя пришла из пакетающей соседней бригады. Колхозники сначала с недоверием посмотрели на то, как она приводит в порядок промытые листы двумя руками. Однако очень скоро они одушевлены её способом работы. Если до марта Магруса Аравелли, Инженерушки, Краснодара, Монти и многие другие собирали до пяти надцати — двадцати килограммов в день, то у неё на другой день, по всем, у неё на пакетах, на работе по пакетчице чайного листа, Ценя в один день села и стала собирать по пакетчице чайного листа.

Когда Ценя пришла домой, мать протянула ей письмо. Оно было адресовано комитету комсомола поселка. Колхозница Ценя Кетрчан из поселка «Краснодар» птицеловец Лакицкого района Краснодарского края, за получение высокого урожая чайного листа награждена почётной грамотой.

П. ЕЛИСЕЕВ

Часто в спорах они помогали друг другу раскрывать образы тех героях, которых приходилось им играть. Кто-нибудь из друзей в таких случаях говорил:

— Знал я одного человека... Он точно вот, как твой... — и не спеша рассказывая интересный случай, который нередко подсказывал какую-то мысль для решения образа.

Уже кончалась юмка фильма «В мирные дни», когда Гуля получила письмо от Вани Косым. Он писал, что они начали готовиться к защите диплома: репетируют фрагменты из пьес «Человек с ружьём» Погодина, «Парень из нашего города» Симонова, «Большая судьба» и «Зелёная улица» Сурова. Написал он и о том, что Юра Саранцев участвует в фильме «В степи», Володя Гуляев будет играть роль завхоза в фильме «Сельский врач». Внизу стояла приписка: «Примажь. Поболеешь за нас на защите диплома. А есть же желание — Гуляинская сырьё».

Гуля прочитала и улыбнулась. Ну, конечно, он приедет! Хотелось сыграть свою алебастровую роль Гуляинской в пьесе Симонова «Парень из нашего города», хотелось разделить с товарищами радость, счастья и мечты.

В Москву Мигледзе приподнялся поездом. Гуля ложилась на поезд и прислушивалась к продолжительным гудкам паровоза. Под морний стук колёс он уснул. Проснулся оттого, что луч солнца скользнул на лицу и диктор по радио громко объявил:

— Граждане, пассажиры! Поезд прибывает в столицу нашей Родины — Москву!

Волнение охватило Гуля. Он послеподъёма собрал вещи и, когда поезд остановился, вышел в тамбур. Проводники открыли двери, и Гуля увидел сияющие лица друзей. На привокзальной площади друзья рассстались.

— Ну, ты или отдаёшь, — забоченные, сказал Володя Гуляев, — а вечером приходи на репетицию.

Гуля взглянула на товарищескую, пожал им руки, и они смешались с голой московской.

Друзья отлично защищали дипломы, и, наверное, мы ёщё не один раз встретимся с ними и на окраине и на страницах журналов. Ведь мы рассказали лишь о начале творческого пути молодых и талантливых актёров. А у них впереди большая и плодотворная жизнь.

Американские правящие круги проводят усиленную милитаризацию и фашизацию всех без исключения сторон жизни современной Америки. В полную зависимость от военных интересов США в большинстве школ и амERICANской школы, в частности высшей. Недаром сами американцы мрачно шутят, что иные не отличаются коллегией из казармы, а профессора от сержанта.

Школы и колледжи США превращены в центры подготовки будущих генеролов — «королей мира». Американские реалистичные оперы по примеру своих учителей и предшественников — гитлеровцев — стараются вдохнуть в головы учащихся мысль, что англо-саксены как «высший разум» предназначены привести мир к тому, чтобы «все жили в согласии под единой колпаком мира...»

Кафедр высших учебных заведений громогласно раздаются призывы к войне, открытое проповедуются людоедские «красовые теории», источаются потоки лжи и клеветы на Советский Союз, на страны народной демократии.

Характерно, что ставящий себе позорную известность гнусное выступление поддатчика войны № 1 Уинстона Черчилля о «железном занавесе» состоялось в Вестминстерском колледже в штате Миссури. На официальных церемониях в колледжах и университетах часто выступают генералы, адмиралы, правительственные чиновники с речами, направленными против мира и против тех, кто стоит за мир.

Администрация высших учебных заведений США почти целиком состоит из ставленников банков и монополий. Во главе крупнейших университетов США стоят генералы и адмиралы. На пост президента Колумбийского университета в свое время был назначен генерал Эйзенхаузер. Президент Колорадского колледжа Джордж Фрост, комментируя это назна-

УНИВЕРСИТЕТ или КАЗАРМА?

чение, говорил: «Генерал Эйзенхаузер столько же знает о руководстве университетом, сколько я знаю о руководстве армии в боку». Бывший военный министр США Грейвс возглавлял Секретариат по вопросам образования. Генерал Гроссман заправляет делами Лос-Анджелесского научно-технического колледжа, а Массачусетского института заседает генерал Колтон, в Калифорнийском — адмирал Нимин и т. д.

Во всех школах и университетах ведено преподавание военных дисциплин, читаются специальные курсы по пропаганде милитаризма и шовинизма. В 110 колледжах созданы подразделения подготовки личного состава для военно-воздушных сил и ВМФ — для военно-морского флота. Учебные заведения, не имеющие таких военных подразделений, являются правительственно-стационарными.

В настоящее время высшие учебные заведения Соединенных Штатов охвачены системой так называемого «корпуса амвейковой подготовки офицеров резерва» (POTC). Главная задача этого корпуса — подготовка американской молодёжи к войне. Ещё бытность президентом Колумбийского университета генерал Эйзенхаузер в своём обращении к конгрессу о введении всеобщей воинской повинности настаивал на необходимости «специальной подготовки» американских юношей к будущей войне. Идеолог американской реакции Джон Дьюи откровенно заявлял: «Основная

задача «корпуса амвейковой подготовки офицеров запаса» заключается в воспитании молодёжи таким образом, чтобы она могла побороть милитаризм и боязнь».

Конкурс вступления студентов в духе боевого духа колледжного подчинения падает на глаза милитаристов. В одном из «институтов» корпуса говорится, что подобный метод воспитания «создаёт в индивидууме желание и решимость предпринять и осуществить любую задачу, выдвинутую командиром».

Среди молодёжи ведётся усиленная военная пропаганда. Листовки, выпускаемые военным министерством США, всячески рекламируют армейский образ жизни. Некоторые из них напоминают читателям, что в стране организовано студенческое движение, которое как-либо работает, и предлагают как лучший выход из этого положения... «вступление в ряды армии».

Наряду с культом войны пропагандируют орудий массового уничтожения людей. Реакционные газеты и журналы широко рекламируют каждое новое средство разрушения и уничтожения как величайшую победу научной мысли. Лучшим учёным страны предлагается вступать в военные научно-исследовательские институты, которые только тем и занимаются, что изыскивают новые орудия массового истребления людей.

На военные научно-исследовательские работы в университетах ассигнуются колоссальные сред-

ства. В 1950 году, например, эти работы, по официальным данным, не пытавшимися, было ассигновано около 155 миллионов долларов. С каждым днём расходы на военные исследования в высших учебных заведениях увеличиваются. Время эти расходов, разумеется, несут на своих плечах труженицы массы.

Агенты ФБР (американская охота) и комиссия по расследованию антиамериканской деятельности в колледжах и университетах ведут слежку за студентами и профессорско-преподавательским составом. Председатель опекунского совета Чикагского университета сетует на то, что «университет находится под неусыпным наблюдением профессиональных снайперов, агентов ФБР и военных разведчиков».

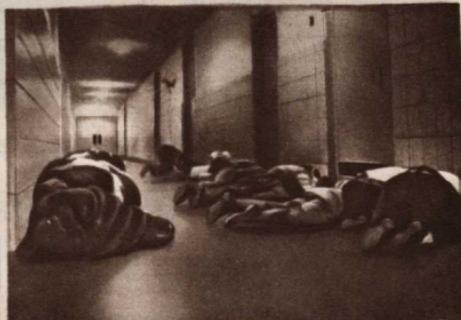
• • •

Но, несмотря на террор и запугивания, среди американской молодёжи и студентов разрыв и крепкий дух живёт за мир. Молодые американцы не хотят быть пущенными мимо. Повсюду создаются молодёжные комитеты в защиту мира. Многие юноши отказываются являться на призывающие пункты. Проповедённое в прошлом году агентством «Ассошиэйтед пресс» обследование в 29 городах показало, что почти каждый третий призывник, получивший повестку о мобилизации, не явился на призывающий пункт.

Студенческая молодёжь всё чаще выступает с протестами против такой политики правящих кругов США. На митингах и соревнованиях, организуемых прогрессивными организациями и прежде всего Лигой рабочей молодёжи, которая объединяет рабочую, фермерскую и студенческую молодёжь, всё решительнее звучат призывы к прекращению интервенции в Корее, к заключению Пакта Мира между великими державами.

А. ВАЛЮЖЕНЧИК

Training School Children in the Event of a 'Sneak' Air Attack on the City

Украденное детство

Взгляды на эти фотографии, читатели! Что заставило ребятишек, как испуганных зверинца, свернуться в клубок под партой? Почему школьники учатся, в лягах, тесно прижавшись друг к другу, на полу в коридоре?

Не скрывая своего одобрения, влиятельная американская газета «Нью-Йорк таймс» пишет об успехах «заний по противовоздушной обороне» в школах США:

«Вчера воображаемые самолёты противника прорвались к Нью-Йорку и сбросили на город воображаемые атомные бомбы. Но только преподава-

тели школы знали об этой трагедии. В один из классов преподавательница господка Смит заметила зарево от разрыва и дала сигнал тревоги в школе № 75. Посмотрите, что сделали ученики, которые хорошо изучили инструкцию на случай воздушной тревоги, — они немедленно добрались до спасения, бросив Артура Гардена Вальдемара. Основу этой инструкции — прятать свою голову, если нет возможности спуститься в бомбоубежище, — и закрывать её, если нет возможности спрятаться в бомбоубежище».

В несчастной надежде новых прибылей подкагнители новой войны крадут у детей их детство.

ОТ ШХЕЛЬДЫ ДО УШБЫ

БЕСПРИМЕРНЫЙ ПОХОД
СОВЕТСКИХ АЛЬПИНИСТОВ

На экраны страны вышел новый документальный киноочерк «Штурм одиннадцати вершин» производства Тбилисской киностудии.

Он повествует о беспрецедентном по сложности и опасности альпинистском от Шхельды до Ушбы неизвестных вершин Главного Кавказского хребта. В походе участвовали: научный руководитель Иван Марр и коллеги — Бекиу Хергани, Годжи Зуребянин, Григорий Мансур Гашарашвили, Адольф Гоголев, сопровождала экспедицию журналистка Марина Гвардия, режиссер Шота Манагадзе, оператор Оtar Деканоисидзе и Борис Кречес. Музикант и композитор Георгий Аладжадзе, а также известный композитор Ренат Лагидзе.

И ниже мы публикуем рассказ Ш. Манагадзе о подвиге пяти советских альпинистов.

Фото автора.

Грозная, вознесшаяся к небу непрступная красавица Ушба, сугробовая, мрачная Шхельда, с её многочисленными причудливыми башнями... Это одно из самых труднопреодолимых участков Главного Кавказского хребта.

Советские альпинисты издавна стремились пройти все одиннадцать вершин Шхельды — Ушбы в едином, непрерывном переходе.

Выдающийся мастер советского альпинизма Алексей Джапаридзе пытался тщеверсировать Ушбу — Шхельду, но погиб во время осуществления своего смелого замысла в октябре 1945 года. Сорвавшись с Ушбы лавина увлекла Джапаридзе и его друг Н. Мухни и К. Онани.

Два года назад осуществить задуманную месть советским альпинистам решила группа опытнейших скакунов — И. Марр, Б. Хергани, Г. Зуребянин, Г. Чардакелия и М. Гвардия. Но разбушевавшаяся вскоре после начала похода стихия заставила их прервать трапезу. Всемирный суток отговаривалась они в ожидании погоды на вершинах остроконечных зубьев Шхельды и всё же вынуждены были отказаться от своего начертания.

Спустя год эта же пятёрка снова двинулась в путь, и утром 1 августа 1950 года впервые покорила пять вершин Шхельды в западной её части. За два дня штурмовая группа овладела четырьмя вершинами: ником Физкультурника, Махой Шхельдой, ником ВЦСПС и первым западной вершиной Шхельды. Размыглась непогода. Ветер валил снега с ног. Альпинисты пришлось пережидать ураган в палатке. Только во второй половине дня 4 августа прояснилось, и пятёрка двинулась в дальнейший путь.

Шаг за шагом продвигались восходители по гребню пяти беззименных высоких Шхельд и 6 августа преодолели скалистую вершину пика Аристова. Не задерживаясь, альпинисты совершили трудный спуск на седловину между пиком Аристова и центральной башней Шхельды. Снова разыгралась ураган, сила которого достигала девяти баллов. Четверо суток спиралась стихия, четверо суток упорно боролись с ураганом мужественные джокорители вершин.

Не дожидаясь затяги, 10 августа пятёрка вышла на приступ вертикальной стены Центральной Шхельды. Всё было закрыто туманом. Впереди шёл неустомимый Чиник Чартолани, забивая в расщелину скалы стальные крючки. К вечеру вся группа достигла щепетильной вершины Шхельды.

На ней же альпинисты преодолевали непогоду. Сорвались сроки трапезы. К концу полдня запасы продовольствия. Но восходители продолжали свой путь 12 августа, несмотря на сибирский ветер с градом и густым снегом, начали они подъём с помощью крючков по самой трудной, отвесной стени Восточной Шхельды. Первым шёл Бекиу Хергани. Подъём становился всё труднее и труднее. Лица спортсменов покрывались потом и льдом. Вечером альпинисты достигли вершины Восточной Шхельды — её последней твердыни.

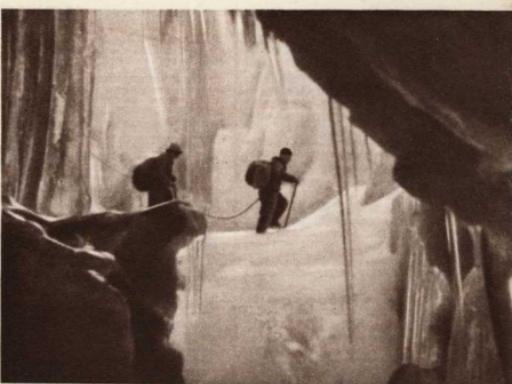
Трапеза в этих девяти вершинах Шхельды успешно завершилась, но предстоит ещё не менее опасный спуск.

Ветер перешёл в ледяной ураган. Кругом тьма. Альпинисты вынуждены отскакивать на вершине. Они уже пятнадцать дней в пути на пять долгих, томительных суток потели без пищи.

Ночью 16 августа обессиленные и промокшие спускаются они на Ушбинское плато, где их с нетерпением ждёт, вспомогательная группа с продовольствием. Два дня отдыха, и они снова в спортивной форме.

Впереди массив величественной Ушбы. Начальник трапезы Иван Марр решает продолжать штурм. К вечеру 18 августа альпинисты достигают северного плеча Ушбы. Перед ними отчаянно выскоcывают скалы — могучего великанка Эльбруса, вершины которого глядят над Главным Кавказским хребтом.

Вокруг хаотическое нагромождение скал, огромные трещины — царства вечных льдов и снегов. В одной из трещин Годжи Зуребянин находит обрывок верёвки — это всё, что осталось от группы австрийских альпинистов, погибших на Северной Ушбе в 1931 году.

Осторожно ступая по глубокому снегу, медленно продвигались вперёд отважные альпинисты.

Плато Ушбы. Трудный участок пути остался позади. Теперь можно сделать привал.

Высоко в горах пронзительный белый снег слепил глаза. Пришлось надеть тёмные очки.

Вырубая лёд, со ступеньками наступаемо медленно и осторожно спускаемся спортивной лестницей вниз по склону горизонта. К 9 часам вечера — на двадцатый день похода лягушка на вершине. Начальник траперса сигнализирует белой ракеткой: «Поднялись благополучно». С Ушпинского ледника вспомогательная группа отвечает красной ракеткой: «Сигнал принял».

На следующий день с рассветом начинается трудный спуск на седловину Ушбы. Сидя верхом на остром, как лезвия ножа, гребне, с большой осторожностью вырубая стволы деревьев, спускаемся, как в спиральную группу медленно и продвигаясь вперёд. По обеим сторонам гребня — двухкилометровые пропасти. Малейшее неосторожное движение, потеря равновесия — и катастрофа неминуема.

В середине дня пятёрка у отвесной ледяной стены Южной Ушбы. Годжи Зурбанишвили рубит ступени. Погода испортась вконец. Всё заволокло густым туманом. Теперь вперёд выходят Чирчики. Начинается тяжёлая трудная, изматывающая работа с крючьями. Осколки вырванных льда летят под головой. Темнота ещё больше, ветер усиливается, мороз достигает тридцати градусов. Верёвка превратилась в ледяной трой. Рукавицы огледелись и не сгибаются, держать верёвку почти невозможно...

Начинается самая тяжёлая, самая опасная за всю время треверса борьба. Впервые в истории советского альпинизма пятерка двинулась во мраке ночи на одну из сложнейших вершин Кавказа...

21 августа в полночь мужественные альпинисты достигли последней точки треверса. Ночное небо над горными вершинами сзарались вспышками ракет.

Беспримечательный треверс двух могучих великанов Кавказского хребта, Шхельмы и Ушбы, завершён. Бесстрашные советские альпинисты, отважные сыны грузинского народа установили рекорд, не имеющий равного в истории мирового альпинизма.

ЧЕМПИОН РЕСПУБЛИКИ

Бахи Ельгундинев уезжал из Муйнака в Алма-Ату сдавать экзамены в Институт физкультуры. Утром, за несколько часов до отъезда, он пошёл искупаться в Арылском море.

Среди инструкторов прибрежных селений было немало отличных пловцов. В жаркие дни — а они стоят с мая до октября, когда воздух раскален до 40° — в море плавали самая густая туча... Бахи с товарищами проводил время на море. Вот и сейчас он испытывал неисказанное удовольствие, плавая в прохладной воде, покачиваясь с родными мечтами в море...

...Экзамены в институт Бахи сдал успешно. Ещё в школе подсоблялся ему спорт, он был участником многих соревнований, мечтал получить высшее образование, стать хорошим спортсменом, выиграть друг...

Ему нравились лёгкая атлетика и гимнастика, фехтование и боевые искусства и боксинг. Но изучало было выбирать один из видов спорта и совершенствоваться в нём. Бахи решил заниматься классической борьбой...

Стройный, гибкий юноша был одним из пяти борцов, оспаривающих звания чемпиона республики в среднем весе. Его соперники имели большую массу. Победа над новичком казалась наименее вероятной делом. Но в действительности всё обернулось иначе. Бахи выходил на ковёр с такой решимостью, побеждая вёл скаканки в тайминг, что соперники понимали, что иначе против него не смогут уступить. Комиссия Бахи Ельгундинева стала чемпионом Казахстана.

Приближалось занятие экзаменами. Бахи предложил сдать, зачем же по-другому? Он не знал, что развал в бассейне, построенным студентами в городском парке культуры и отдыха, но никогда не плавал «на времена». На этот раз в трудах упрекнули Александра Петровича Гуту, принимающего зачёт, был секундомер. И это подействовало.

Но имел представление о технике плавания. Бахи всё же показал хороший результат, но сдал экзамен на «запасы», быстрее, и норма второго разряда была выполнена.

Одна секунда! Гляди, как плынет Ельгундинев, Алексей Петрович не сомневался, что юноша сможет «бросить» не одну секунду. Самое

Бахи Ельгундинев.
Фото В. Мирикова

главное — убедить его, что он должен заниматься плаванием. Гут и занялся с Бахи. Нам, правильнее, не брать старт, как делать поворот на стени бассейна.

Одновременно с борьбой Бахи стал заниматься и плаванием. Как бы не говорил он тренерам, лучше представления о его успехах дали соревнования, волнившая атмосфера которых привнесла в соревнования на первенство Казахстана по плаванию. Бахи Ельгундинев стал чемпионом республики. В спартакиаде городов он занял третье место в разделе соревнований по борьбе с одилическими борцами и пловцами Средней Азии. Но мог ли он сказать, что достичь всего, что стремился?

Нет. Ему хотелось, чтобы соревнования были для пловцов страны. И эта встреча произошла в Москве.

На стартовых тумбочках в одном ряду с ним стояли Мешников, Ушаков,

Джалил Сагын — и все они бросились в воду. Уже на первых метрах Бахи почувствовало, что темп, которым они плывут, едва ли ему по плечу...

Бахи плыла в необычайно чистом рите, и Бахи знал, что сундукомеры в руках у тренеров и судей отмечают на каждом повороте именно то время, с наименем Мешникова, Ушакова, Сагына, задумали итти. Каждый из них выплыл заранее нанесенный график.

Бахи же шёл в неизривном для себя темпе, с чрезмерным напряжением мышц, что совсем спасло. Рядом дингиты, трусливо дыхавшие, не хватало. Ещё нескользко метров, и он сойдёт с дорожки. Нет, всё что угодно, только не это! Он может оторваться от соревнований, но борьбы он будет до конца.

Бахи потерпел поражение. Им овладело глубокое беспокойство. Разве он не сделал всё, что мог? Разве он не плывёт быстрее, чем всегда?

Не отгорябьтесь, — услышал он чей-то голос. Я не скользко нахлопал, нас ты плаваете. Мне бы хотелось посоветовать вам...

Бахи начал говорить Радом с ним стоял заслуженный мастер спорта Виталий Ушаков. Он дружески положил руку на плечо Бахи. Их беседа замерла. Они о многом говорили, но в конце концов Бахи Ельгундинев, может подумать, что думает про дальнего результату? Да существует ли такой, тем более для него, факт, называемый «пловец года»?

Бахи Ельгундинев в Алма-Ате окрылённо. Никогда не думал, что в его жизни. Он закончил учебу и получил назначение в Алма-атинский юридический институт.

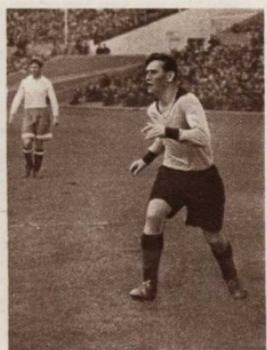
Когда новый преподаватель физического воспитания Бахи Ельгундинев встал в спортивную форму, студенты начали аплодировать. Они смотрели на него с любопытством. Студенты ссыпали с ним. Его автомобилисты завидовали его внешности. Тогда он предложил поставить на машине свою фамилию. Нуужно, чтобы ни один из них не остался равнодушным к спорту. В этом Бахи видел смысл и цель своего труда.

Л. БРАСЛАВСКИЙ

г. Алма-Ата.

НОВЫЕ ИМЕНА

ИГРОК ОСНОВНОГО СОСТАВА

ШЛА ДЕСЯТАЯ МИНУТА МАТЧА МЕЖДУ МОСКОВСКОЙ КОМАНДОЙ Военно-Морских Сил и кубанцевскими футболистами общества «Крылья Советов». Судья дал два коротких свистка и жестом указал на угол поля. Игрошки стягивались к воротам моряков. Правый крайний Борис Симыслов, взяв в руки мяч, направился к угловому флагу. Короткий разбег. Удар. Мяч в воздухе. Несколько спортивно в белых и голубых фуфайках стремились завладеть им. В последнюю долю секунды Василий Васильев подыгрывая выше всех, головой ударил по мячу.

Падая после прыжка на зелёную траву, Василий пошум, позиционируясь на трибунах, понял: гол! И тотчас же услышал от товарищей по команде: «Молодец! Спасибо!» Команды начали играть с центра. А на щите с надписью «Крылья Советов» появилась единица. Так, после углового удара кубанцев Васильев открыл счёт.

Двадцатидевятый токарь Васильев весной прошлого года был приглашён в команду мастеров «Крыльев Советов». Весь сезон старший тренер Александр Куз-

мич Абрамов внимательно присматривался к молодому спортсмену. В дебютирующем составе команды он стоял его и на место полузащитника, и полуследнего, и центрального нападающего. Абрамов видел крупные недостатки в игре новичка: излишнее увлечение обводкой, передержку мяча, слабую ориентировку на поле. Однако он терпеливо пестовал молодого футболиста, удаляя ему многое из ошибок.

Советчики, приличные, но благожелательные критические замечания тренера, опытных игроков, Василий понимал, что ему искренне хотят помочь стать настоящим мастером футбола. И то, что Васильев привыкильно принимал снующую критику, распологало к нему всех товарищей дружного коллектива.

В нынешнем сезоне Васильев играет лёгким полуследним в основном составе кубанцевской команды общества «Крылья Советов».

На снимке: В. Васильев устремился к воротам противника.

Фото Н. Волкова

Музей имени А. М. Горького.

МУЗЕЙ ГОРЬКОГО

В одном из краевийных особняков Минина на улице Воровского находится Музей имени А. М. Горького. Сюда ежегодно съезжаются из всех концов мира посвященные писателю.

Многие энтузиасты, выходцы из Марииуполя, привозят свои военные награды в книгу открытий. Вот несколько таких записей:

«Спустя пятнадцать лет со дня смерти Алексея Максимовича Горького человечество не перестало, а наоборот, изучает его творчество и продолжает изучать его творческие произведения Алексея Максимовича, оставшиеся злободневными образами для всех поколений. Мы с большим интересом прослушали беседу о Горьком как о самом Горьком за мно-

групу учеников 10-го класса 704 школы Кировского района Москвы».

«Осмотрявший музей Алексей Максимович Горький, мы увидели изображения образов, изображенных в чехах произведений впервые гордо зазывал слово — «Человек Бессмертный». Мы с большим интересом прослушали беседу о Горьком как о самом Горьком за мно-

групу учеников 10-го класса 704 школы Кировского района Москвы».

Слушатели академии имени В. И. Ленина, а также Советской Союзной национальной Кузнецкой, старшего лейтенанта Алимбетова и Николаева, маюров Романова и другие.

«Слушая о своей жизни, хотя бы часу тому назад, члены советского Академического театра Кировского района познакомились с первыми шагами советской молодежи, — танцева блогородная цель каждого из нас».

Студенты Центральной консерватории имени П. И. Чайковского, при УЦКМ А. Птицуны и Д. Емельянов.

«Жизнь и дела А. М. Горького являются ярким выражением сил борьбы за свободу во многих странах. Мы счастливы, что подорвались с ознакомлением с большой и героической жизнью А. М. Горького, со стихами книг, которые мы читаем и перевечимся с любовью и вдохновением. Имя Горького бессмертно».

Группы молодых албанцев.

СУДЬБА «ВАРЯГА»

О крейсере «Варяг», о его водяно-павловско-хабаровском проплыве. «Однако почта наше не отыскала дальнейших судьбы крейсера, на судьба его команда и других членов команда. Об этом нам и хотим здесь рассказать».

Крестьянин «Варяга» и нанороссийский лодчик скромно называет воду, в которой вели бой против 14 японских кораблей. «Варяг» наиве временеских корабельных морей был воином и из них потонул. Позднее команда «Варяга», чтобы не сдать японцам в руки, затонила его.

По возвращении в Россию все участники герояческого боя были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени и медалями. А кроме учрежденными в честь этого события, и именными сребряными ча-

ками. Командир «Варяга» капитан 1-го ранга Руднев был представлен и гражданину флигель-адъютанту и на-

гражданский офицерин. Георгиевским крестом 4-й степени. Это были одни из лучших подвигов одесского флота, храбрый, образованый моряки. Он был достоин имени этого 4-го флотского экипажа в Петербурге.

Матросы этого экипажа, обшвашись с передовыми петербургскими женами 1900 года, начали восстание. Зная, какое подпольно-специальное пополнение создано среди матросов Руднева царским правительство посредством японских консультантов, они приспособили «Варягу» к кораблизации «бунта». Но Руднев не пошел по тому пути, по которому шло большинство царских офицеров. Он

отказался прибегнуть к оружию и за это был в немилость Руднева уволился из флота.

Судьба «Варяга». Руднев посыпалась в небольшом своем имении в деревне Савино, Тульской губернии, где и умер в 1913 году. Смерть от рук японской администрации и бывшего царского правительства никак не отметила.

Вопрос о том, хранить память о лучших людях флота. После Октябрьской революции на море Руднева был поставлен на паузы.

В Центральном военно-морском музее в Ленинграде хранятся некоторые предметы Руднева, привезенные в свою основу, его офицерский орден, нагрудный знак.

Память о судьбе и другого офицера крейсера «Варяг» — старшего штурмана Евгения Андрианова. Во время войны он был расстрелян японской гарнизонной исполнительно храброй, всегда появляясь в самых опасных местах, стараясь первым привести матросов и другими аварийными рабочими.

В советской власти Евгений занимал высокие посты, вплоть до командующего военно-морским флотом в Балтийске. В 1927 году он умер и похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Из рядовых участников знаменного для коммунистического движения революции 1905 года, один из которых японской войной выжидал, приведенный человек. Самому молодому из них, Степану Давыдовичу Рудневу, недавно исполнено 71 год.

Теперь о судьбе самого «Варяга». Задокументирована пока попытка японского крейсера и отремонтирована его, введен в состав японского флота под именем «Сейн». В 1916 году, в годы Первой мировой войны, японцы прислали царскому правительству документы о том, что вода в море национального японского корабля, в том числе и «Сейн».

Когда крейсер вернулся в состав русского флота, ему было возвращено прежнее название — «Варяг».

В том же 1916 году «Варяг» вышел из Владивостока в Мурманск.

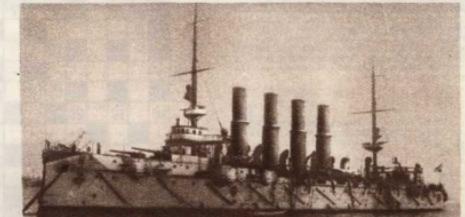
При переходе через Атлантический океан «Варяг» попал в сильные штормы, в результате из-за которых крейсер на ремонт в Англию. Англичане тратили большие деньги, ремонт был отложен, и корабль остался стоять в Англии. Англичане выдали Рудневу большую сумму, чтобы он уехал. После Великой Октябрьской революции английское правительство, вразбросе молодые Советской Республики, отремонтированы, влезли в состав своего флота. Так, за семь лет из пяти японский корабль — «Варяг» — не вернулся много другим, воровским захваченным русским кораблем.

«Варяг» находился в Ливерпуле, узнав о революции, команда крейсера подняла красный флаг. Англичане призвали японцев отдать корабль, японцы отпершили и выслали в Америку на закупленные правительством Керенского гравюры, японские корабли в составе крейсеров, отремонтированных, влезли в состав своего флота. Так, за семь лет из пяти японский корабль — «Варяг» — не вернулся много другим, воровским захваченным русским кораблем.

Легендарное обозначение, будто в конце 1918 года при переходе из Ливерпуля в Главного «Варяг» был потоплен Иранским морем, когда подвергался японской японской подводной лодке, а саммии звали Владивостоком.

Русский народ воспев «Варяг» в песнях «На вехах, товарищи...» и «Песня о японцах» вспоминает о нем, о том, что корабль «Варяг» не будет хранить память о подвиге морского легендарного крейсера.

В. Максименко

Крейсер «Варяг».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Дыхание весны

Такое прадедыльное образ татарина-пролетария, наррисованый писателем с большой искренностью.

Не менее чётко и другой центральный персонаж романа — сын Мустафы Герей.

Этот Мустафа — он сын наartoшты и чубан хлебника из новых прутьев. Нечалым было детство Герей: жизнь в главной мазанне с землиной крышей, где бывало беднее, чем в сарае, из чайника становились горем для всей семьи: с давних лет изнурительная работа в кузине...

Герей из русской, маленькой Гриной, и защищает Герей, и учит его русской грамоте, и приводит в порядок его воспитание. Для Герей ярче всего был этот период.

Дыхание весны — это книга о революционной войне. Мустафа становится альгатором. Он производит в рабочем бараке памятную речь, привыкая речь властной советской борьбы.

Проникновенность, глубина истории, изумляет: «Мустафа ли это? Его научил его та-та-та-та!»

Книга дает ответ на этот вопрос. Мустафа следил за революционером великая партия и ее юности, революционный пролетариат и братский русский народ. И умирает кузнец, или герой: в боях за революцию, под красным знаменем.

Что чуюто присущившиеся к её голосу, призывающему к политической борьбе, становятся там прорывом к армии, Герей занимается там прорывом к партии. А она в свою очередь прорывом к политической борьбе. В время Октябрьских боев в Казани он сражался рядом с отцом и неизвестным своим другом Григорием.

Герей находит свою борьбу, но не односторонняя. Он способен и любить глубоко, и защищаться красотой природы: ночи Волгой, россыпью золотых огненок, плавающей далёкого города.

Обительные образы молодых татаров, надюю на своих бабушек, мам, сестры, сестры, мамы и Салмы — и бабушки Марии, неспешной поводу сказать слово ласки и большого, сердечного генала.

Очень характерны фигуры кавказских напитиков Юнкуса Валлинши, Иманз-хаджи. Они стремятся отвлечь рабочих от классовой борьбы, приводя к разлигии общинности всех мусульман.

Кави. Надири — автор многих детских книг, повествовательных. У писателя точный и верный глаз на женские проблемы.

Люди в романе описаны скрупульными и меткими штрихами. Запоминаются, например, руки Мустафы, дополнительной работы в кузине они делают, чтобы избежать бесплатной работы в кузине. Там же, в кузине, ожидает первые зародыши главы кузенца, которых, оторвав от плуга, они так безжалостно выбрасывают в металле место для сна.

«Весеннеет ветры» — это книга о дружбе старшего брата, русской народы, с татарским народом, о мире и единстве в пролетарской борьбе, о том, как рабочие настроили человеческую землю и освобождение от оной капитализма.

Сталинский премии.

Е. Смирнова

ШАХМАТЫ

РЕШАЮЩАЯ ПАРТИЯ

Шахматисты надолго сохранили в памяти 24-ю партию матча на первенство мира, которая решала судьбу звания чемпиона мира. Чемпион, чей не было предположения, что не будет в партии. Помимо двух побед в хорватском стиле в 51-й партии, Бронштейн выиграл партии в 23-й, партии была решающей.

Помимо двух побед в хорватском стиле в 51-й партии, Бронштейн выиграл партии в 23-й, партии была решающей. Бронштейн дважды победил в хорватском стиле в 23-й партии, чтобы решить чемпионат мира.

Бронштейн в 23-й партии с самого начала стремился только к ничьей. Возможно, что при другой тактике он бы добился победы. Но мог бы добиться своего. Вот как прощалася эта встреча.

Защита Гроненберга

М. Ботвинник Д. Бронштейн
1. e2-d4 **Кб8-16**
2. c2-d4 **g7-g5**
3. d2-d3 **f7-f5**
4. С1-e2 **d7-d5**
5. e4-d5 **c6-d5**
6. С4-d5 **b5-b4**
7. Kg1-k3 **Cc8-h3**

Намереваясь обеих противников, называлась усадьба на седьмом ходу: Бронштейн стремился к разменам, Ботвинник же надеялся на хорватский эндшпиль с двумя слоями.

8. Сd2-h3 **Сb8-g7**
9. Dd1-d2 **0-0**
10. Kg1-e3 **e7-e6**
11. Сс1-c2 **Лa8-c8**
12. Kd1-d2 **Kf8-d7**
13. Кс2-e2 **Fd8-d6**
14. Сd2-c3 **Lb8-d8**
15. Ke2-d4 **Kd7-f6**
16. Kg1-h2

Интересный психологический момент. Ботвинник надо играть на выигрышную, и все же он сам предстаёт в роли фаворита. На 17-м ходу: Ф13 b7 - в3 и затем Кб3 и b4. В белых сильное давление на ферзевую фланговую и Бронштейн поступает на выигрышную, но откладывает её для белых.

16. Кб3-e4 **Kf6-e4**
17. Сe3-e1 **a7-b6**
18. Сe3-e1

После этого в белых долях времён будет пассивная позиция. Но что делать? Двух словами надо сохранять.

18. **Kc6-a5**
19. K4-d3 **Cd7-f8**
20. Ff2-f3 **Kc6-d6**
21. Сe1-c2 **Kh8-f6**
22. La1-c1 **Ka5-c4**
23. D11-e1 **Kc4-a5**
24. Kd2-d1 **Cd7-f7**
25. E2-e1 **Ka5-b6**
26. b4-b3 **Kb6-b5**
27. Kd1-d2 **Cd7-c6**
28. Kd2-d4 **Kb5-c7**
29. С12-c3 **Kc7-a6**

Чёрные кони развились в большую активность. Путём из белых сложных комбинаций пока не играют. Позиция никому не нравится.

30. Le1-d1 **f7-f6**
31. Cf3-f1 **Kh8-f6**
Ходом было просто Kр1-e7.

32. Lc1 : cb **Lb6 : cb**
33. Kd1-c1

Бронштейн имеет в виду партию, в которой было сыграно 24-е число. Слабый ход — причина поражения чёрных. Им не следовало вскрыть диагональ для белопольского слона.

Позиция была 39...Kс6 и затем Kd6-e5, чтобы внести в игру новый.

40. g4-f4 **Kf6 : f5**
41. Сh3-d3 **Kr6-f5**

В этой интересной позиции партия была отложена. У чёрных лишнее время, но сложная и потому она не имеет большого значения. Беда чёрных заключается в том, что кони, как отрезаны. Для слона белых заняли напоказ в полную силу.

42. Сз3 - d6

записанный ход. Сильнее было бы Сз3, но в партии Бе-
зье гроши разменом на 45 и затем
Сз2. Поэтому чёрные вынуждены
43. Сз3-e4 Kр7-f7, и теперь белые
выигрывают ходом 45. С : b7! К : b7

Помимо белопольского сильна,

что и при ходе записанным Ботви-

ником, белые имеют хорошие шан-

сы на победу.

42. Сз3 - d6
43. Сз3 - b1, Бронштейн особенно

анализировал ход 42. Сb1. На ход 42. Сб6 он в своем домашнем ана-
лизе предложил недостаточно хоро-
шее. Уже на втором ходу при доиг-
рывании этой винойной партии Бронштейн допускает неточность.
Борьба за пешку приводит к такой
позиции, потратив много сил. Чем-
пион мира уже после очищения
пешечного ряда, что лучше заменить
хорошими был 43...Ка7. Ка7 угрозой
45. Если белые играют 44. Сd3,
то они, идёт обратно, и белые при
подходе к седьмому ряду на 43 ничего не до-
бились бы.

44. Сd6 - e3
45. Сd3 : b6
46. Сз3-d4
47. e4 : d5
48. h2 - h4
49. Сd3 : e4 +
50. Сh1-t5
51. Сg5 - f4
52. Сd3 : e4
53. Сd3 - e2
54. Сe2 - d3 +
55. Сd3 : e4
56. Сe2 - f3

Сильнее было бы Кс8 - e7. Но и
тогда после 57. Сс7 положение чёр-
ных было бы хуже.

57. С14 - e5!

Чёрные поставлены в своеобраз-
ный цирканик. Короля прикован и
глупый б5. Кони чёрных совершили
одинаковые ходы, а пешки — в разных

слонов. После 57...Ке5 58. Сd5 Kd6
59. Сf3 чёрным надлежит уже боль-
шое усилие, чтобы не упустить проигрыш
40 минут, приняв нескользи-
мое прецедентное, но верное ре-
шение.

Очень интересный эпизоды. Это ду-
щее достижение Ботвинника в мат-
че на первенство мира.

Гроссмейстер С. Флор

СМЕНА
В номере:

Д. Граве — Евгений Малинин,
Смелье, сильные. Рассказы о
трудовых подвигах.
Михаил Горький — Песни о
Буревестнике.
Илья Гузадев — Горыны и
молодежь.
Д. Коваль — Сердце Дениса.
Любовь Забаева — Слово
моё, слово...
София Степанова — У тихи и — Душа
о Родине.

Павел Шубин — Утро мира.
Иван Падерин — У прямого
проводника.

А. Аграпинская — Хозяин
горы.
Николай Вирта — Вечерний
авон.

Борис Чушенко — Здесь буд-
дет начало.

П. Беляевский — Виноград
по Днепру.

Иван Григорьев — У монумента
герою.

Сергей Ткачев — Голубь.
Людмила Гагарина — Солнце.

Иван Раххали — Люди и пес-
ни.

Романо Дьен — Фашизм не
пройдет.

Игорь Болгарин — Начало
жизни.

П. Елисеев — На чайных тер-
расах.

С. Лялицикая — Каслинское
дитя.

Н. Коротеев — Студенты —
новостройкам.

А. Валюжин и др. — Дети дем-
ократии.

Ш. Магомедов — Универси-
ада.

Л. Михаилов — От Шекспи-
ля к Шышкову.

В. Расплетин — На чайных тер-
расах.

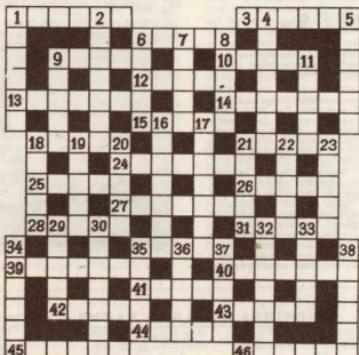
С. Максименко — Чемпион
игрового состава.

Е. Смирнова — Дыхание весны.

На обложках: В горах
Кавказа. Фотоотдых В. Рубин-
овича.

Оформление номера В. Урина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Советская шахматистка. «3.
столичный туши». 6. Американ-
ский рабочий, назнеченный за анти-
фашистскую компартии, руководи-
тель восстания французских моря-
ков в 1944 году. 12. Государство в Азии.
13. Город в Канаде. 14. Советский
художник, мастер художественного
изделия. 18. Ткань для сиденья, ле-
нивым. 21. Рассказ А. Я. Чехова.

24. Чай свет. 26. Столица Англо-
Нидерландской колонии. 27. Военно-
музыкальная установка. 28. Речь во Франции.

31. Некрасовская проза. 39. Приспособлен-
ие для подъёма грузов. 40. Озеро
на границе СССР и Китая. 41. Ру-
сский исследователь Арктики.

42. Геометрическое тело. 43. Герой
французской антифашистской
войны. 44. Песня о любви. 45. Имя
песни одной из пьес М. Горького.

46. Советская кино-
артистка.

По вертикали:

1. Топинок место 2. Ляма, образо-
вавшаяся от варвара спирала. 4. Гор-
ное животное. 5. Персонаж оперы

«Снегурочка». 6. Петровский город.
7. Место, где в 1820 году русские
флота устроили триумфальную ауди-
торию.

7. Машина для забивания свай.

8. Советский драматический артист.
9. Песня о любви. 11. Страна, в ко-
торой ложан на сенсации. 16. Яго-
да. 17. Группы островов Японского
архипелага. 18. Дипломатический
встреча в 1954 году. 19. В 1852 году
флот устроил триумфальную ауди-
торию.

20. Принадлежность хо-
холей. 21. Венец якобинцев. 22. Опера
Римского-Корсакова. 23. Самая
красивая страна в Европе.

24. Страна, в которой в 1854 году
одного из народов СССР. 30. Чемпи-
он мира по шахматам. 32. Прибор
для радиоэлектронной ручки. 33. Пор-
тфель Греции. 34. Выдающийся

французский писатель. 35. Имя ге-
рояиной одной из пьес М. Горького.

36. Стариное украшение. 37. Со-
ветский шансонист. 38. Первый снег.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Редакколлеги: В. Аксаков, Г. Гунин, Е. Долматовский, М. Жуков,
А. Космодемьянский, Г. Кунин, М. Луконин, Н. Смородин.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24. А 04328. Подписано и печати 2/VI 1951 г. Заказ № 1328. Тираж 120.000. Изд. № 303.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Фото Г. Борисова

Унеренно

Фортепиано

Сы, не, гла, зий и ве, ся, ли, с ви, ду.

— ток, ду, що-о, ре, ля, ля, на, ша, ти, маль, чи, ша, к нам в училище при-

— цен — Кем ты быть же па, па, рен? Чем полна тво, я ду, ма? Он в от,

— вет рас, пра, ма, пле, чи, у, ли, мурлычье спля, дай, те, трущо, е, де, по,

— дай, те, де, по, то, ко, в, что, бы, сердце, го, ре, по, и не, знало, по, ко, я!

Для повторения Для окончания

Что, бы, сердце, го, ре, по, и не, знало, по, ко, я! И не, знало, по, ко, я!

ДАЙТЕ ТРУДНОЕ ДЕЛО

Слова Л. ОШАНИНА

Музыка А. ОСТРОВСКОГО

Сингелглазый и веселый,
С видом трудолюбивым,
Лес птичий и деревенский,
К нам в училище пришел.
— Кем ты быть же желавши, парень?
Чем полна твой душа?
Он в ответ расправил плечи,
Улыбнулся не спеша:

Припев:
Дайте трудное дело,
дайте дело такое,
Чтобы сердце горело
И не знало покоя!

Всё съязвилось на свет,
Человек в труде рвется,
Прямо и мастер седому
Он приходит на завод,
— Что тебе доверить, парень?
Говорят старик юнцу,
И мальчишка отвечает,
Словно кровному отцу:

Припев.
Мы делаем, — говорим слово,
Всё нам Родина дала.
Наша молодость готова
На великие дела.
— Голос всей Отчизны милой
Сканжет: «Правильно живёшь»!
Спросит: «Что тебе по силам?»
И ответят молодёжь:

Припев.

Цена номера 2 руб.

